

Слепящая пустота

Автор:

Валентин Леженда

Слепящая пустота

Валентин Леженда

Андрей Чернецов

МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Харьков 2033 года – город, в котором все не так. Тут люди обитают на поверхности, а метро населяют сектанты, работорговцы и самые жуткие монстры. Тут правит загадочный Круг апологетов, а на улице можно встретиться с Железным Солдатом или ковбоем. И всем тут – апологетам и рейдерам, ваххабитам и членам Белого Братства, вудуистам и «Всадникам апокалипсиса» – вдруг позарез понадобился простой двенадцатилетний мальчик. Ведь от того, кто первым его отыщет, зависит будущее...

Андрей Чернецов, Валентин Леженда

Слепящая пустота

Год больших свершений

Кто знает, может, у нас с вами и вправду остался всего один год – две тысячи двенадцатый? По легенде «Метро 2033» когда-то уже довольно скоро все и должно произойти – и хоть я искренне и надеюсь, что ничего драматического с человечеством и миром в этом году не случится, гарантий никто, боюсь, дать не сможет.

Я вообще стараюсь жить по принципу: каждый день надо жить как последний. Наполнять его свершениями и впечатлениями, не позволять ему остаться пустым и бессмысленным. День, прожитый без дела и без приключения, – мертв и пуст. А тут целый год!

У нас в планах на 2012 год масса свершений. Уже вышел роман итальянского писателя Туллио Аволедо и выйдет роман кубинского автора Хосе Мигеля «Гавана». Заработает в полную силу и будет расти с каждым днем наша онлайн-игра, постепенно превращаясь в полноценный виртуальный мир. Доведут до конца и отполируют следующий большой хит – блокбастер «Метро 2033: Луч надежды» ребята из студии 4A Games. Книги из серии «Вселенная Метро 2033» будут выходить в десяти европейских странах, а может быть, и в США.

И, конечно, весь этот год мы будем продолжать выпускать наши романы на родине. И делать все возможное, чтобы они оставались такими, какими вы их знаете – непредсказуемыми, разнообразными, зачастую экспериментальными – но всегда безупречно вписанными в растущую «Вселенную Метро 2033».

Хотя обложки наших книг и всегда нарисованы в нашем едином фирменном стиле, то, что скрывается под ними, может кардинальным образом отличаться от всего, что издавалось ранее.

Но вряд ли хоть одна книга до сих пор настолько отличалась от своих предшественниц. Дело в том, что в Харькове – а действие романа «Метро 2033:

«Слепящая пустота» разворачивается именно в этой «украинской столице русской фантастики», – привычный нам мир словно вывернут наизнанку.

Люди здесь живут на поверхности, а вот метро – настоящая Преисподняя, населенная демонами. И героям предстоит пройти через все семь кругов ада...

Те романы, которые последуют за «Слепящей пустотой», тоже удивят и тоже запомнятся. Выбрать «Лучшую книгу Вселенной» за 2012 год вам будет непросто. Для нас это будет год, полный экспериментов и свершений. Того же желаю и вам.

До самого 21 декабря – а там поглядим.

Дмитрий Глуховский.

Говорят, где-то во льдах Антарктики скрыта тайная фашистская база «211». Во время Второй мировой войны там разрабатывались секретные виды оружия, которые и сейчас, по прошествии ста лет, способны помочь остаткам человечества очистить поверхность от радиации и порожденных ею монстров. Но для девушки Леры важно лишь одно: возможно, там, в ледяном плену, уже двадцать лет томятся ее пропавшие без вести родители...

Встречайте продолжение самого необычного романа серии – «Севера» Андрея Буторина!

Пройдя через небывалые испытания, неоднократно рискуя жизнью, саам-изгнанник Нанас все же выполнил просьбу «небесного духа», летчика Семена Будина, и доставил его дочь Надю в город Полярные Зори. Но и этому чудесному «раю», последнему очагу цивилизации на разрушенном во время Катастрофы Крайнем Севере, грозит ужасная опасность, справиться с которой не под силу никому из живущих...

Как Убер попал в группу «Солнышко», и может ли молебен о здравии быть оплачен кровью? Чему учат наставники, и на кого охотятся снайперы 2033-го? Какова главная тайна Великой Библиотеки, и что лежит за порогом рая? Легко ли стать спрутобоем, и можно ли уйти от судьбы? Чего стоит слово сталкера, и где найти настоящего немца? Как одолеть одного-единственного монстра и успеть встретить один-единственный рассвет?

Двадцать первая книга «Вселенной». Двадцать один рассказ. И – специальный бонус от Дмитрия Глуховского: продолжение истории Артема из «Метро 2033»!

Ты видел

ты истинно видел

снег звезды шершавые руки ветра

Ты трогал

ты подлинно трогал

хлеб чашку волосы женщины которую любил

Ты жизнь ощущал

словно удар в лицо

словно мгновенье паденье бегство

Ты знал

каждой порой кожи ты знал

вот глаза твои руки твои сердце твое

необходимо от них отказаться

необходимо выплакать их

необходимо придумать их заново.

Хулио Кортасар. Перев. В. Андреева

Пролог

Порою кажется, что, кроме боли, в этом мире ничего не осталось. Душа пуста, словно ствол давно умершего, сгнившего изнутри дерева. В черных пустотах толстых ветвей завывает ледяной ветер. Но это все не снаружи, это все внутри тебя. Достаточно лишь слегка прикрыть веки, и ты снова видишь бескрайнюю заснеженную равнину и одинокий силуэт души, каким-то чудом противостоящей яростной стихии.

Боль бывает разная.

Ее осознаешь, как только открываешь глаза. Физическую боль еще можно как-то перетерпеть, заглушить, вылечить, в конце концов. Но есть боль совсем иного свойства. Та самая неопишуемая, неуловимая тоска, которая заживо съедает здорового взрослого человека. Боль утраченной надежды. Понимание того, что ты не в состоянии что-либо исправить. Постоянное обращение в прошлое. Беспощадный скальпель, снова и снова рассекающий едва затянувшуюся рану. Вернуться нельзя. Но как же иногда хочется! Чтобы сказать те слова, которые не успел произнести тогда, в прошлом. И рана бы затянулась. Навсегда. А что, если нет? Что, если кто-то намного могущественнее тебя уже решил где-то там, наверху, все и за всех. И что бы ты ни делал, как бы ни пытался изменить прошлое, смерть невозможно отсрочить. Нет, не свою смерть и не смерть близких, а гибель целого нелепого, несовершенного, но до исступления любящего жизнь мира. И самое страшное в том, что этот кто-то «решивший за всех» не Бог и не демон, а самый обычный человек. Такой же, как и ты.

Человек, решивший за всех.

Такой же, как и ты...

* * *

Дикий рев почуявших добычу беснующихся тварей.

Десятки скребущих камень острых, как лезвия, когтей.

Волна удушливого смрада вырвалась из черной глотки туннеля, с головой окатив вооруженных людей. Яростно пылали ржавые бочки с горючим, озаряя стены заброшенной станции кроваво-красным заревом.

– Они приближаются! Северный туннель! Приготовиться!

– Нестеренко, подгоняй дрезину...

– Помните, их ни в коем случае нельзя пускать на поверхность...

– Отставить разговоры! Огонь по готовности!

Живая волна смерти приближалась.

Люди застыли, будто безымянные статисты, пойманные в объектив камеры опытного оператора. Кто-то невидимый нажал кнопку «пауза», любясь живыми в последний раз. Вот один из бойцов присел на колени, направив дуло короткого автомата в вибрирующую тьму туннеля. В массивных светозащитных очках отражаются языки пламени, вырывающиеся из ближайшей бочки. На покрытом блестящими каплями пота лбу слиплись короткие волосы. В дальнем конце станции замерла уродливая мотодрезина, ее единственный пассажир припал к пулемету, казалось вырастающему прямо из его груди.

Высокий скуластый мужчина в темно-сером камуфляже целует извлеченный из-под фуфайки нательный крестик. В правой руке зажата граната без чеки.

Невидимое едва уловимое касание.

Круглая кнопка уходит вниз.

Статисты оживают.

Клубящаяся тьма наполняется звуками. Поток отвратительных бледных тварей изливается из чрева мрака, будто клубок червей из лопнувшего трупа. Антропоморфные, повизгивающие от предвкушения кровавого пиршества выродки бегут по стенам и потолку, демонстрируя фантастическую ловкость.

Отчаянный хор автоматов.

Отбойным молотком рывкает крупнокалиберный пулемет. Агонизирующей змеей извивается лента. Горячие гильзы веером разлетаются в стороны. Зажигательно-бронебойные пули 12-миллиметрового калибра со стальным сердечником разрывают бесцветных тварей на куски. Багровые брызги пятнают мраморные стены. Но поток мутантов не иссякает, грозя затопить станцию кровью и смрадом, задавить огрызающихся свинцом людей мертвыми телами. Твари с тупым упорством прут на свет огня, тут же попадая в перемалывающую плоть и кости беспощадную мясорубку.

Нечем дышать – кажется, вместо воздуха раскаленный свинец.

Свинец заполняет легкие. Свинец течет в венах людей вместо крови.

Но даже этого мало, потому что лоно тьмы, порождающее все новых и новых монстров, неутомимо...

Пляска смерти, которая и не снилась ни одному полотну Иеронима Босха. Люди больше не люди. Вместо них по колена в окровавленной издыхающей плоти стоят бездушные выпотрошенные мертвецы. Они понимают, что УЖЕ мертвы. То, что пальцы продолжают давить на спусковые крючки, – нелепая мимолетная иллюзия, странная прихоть невидимого наблюдателя, время от времени нажимающего кнопку «пауза». Но очень скоро ему это надоест, и тогда мертвецы, наконец, смогут уйти туда, где долгожданный покой, где нет страха, нет поседевших за несколько секунд волос, нет ничего, а есть только пустота

вечного, совершенного в своей изощренной жестокости небытия. Потому что жизнь всего лишь робкий короткий шаг на пути к всепоглощающей тьме. И только там однажды живших ожидает НАСТОЯЩАЯ свобода...

Никто так и не понял, откуда на станции появилась худенькая невысокая девушка, прошедшая, будто призрак, между бойцами, пытающимися сдержать непрерывный поток тварей. Она медленно шла по залитому кровью перрону, переступая через тела мутантов, корчащиеся в предсмертной агонии.

– Стой, куда?! – хрипло закричал один из солдат, меняя в раскалившемся автомате широкий магазин.

Он попытался схватить ее, но девушка ловко увернулась, устремившись к вырывающейся из туннеля гибели. Пулемет на дрезине замолчал, клюнув дымящимся дулом. Отчаянный стрелок был мертв, пожираемый сразу тремя удовлетворенно сопящими тварями. Яркая кровь обильно стекала по бледным безглазым рылам.

– Все... – пытавшийся схватить девушку боец медленно опустил автомат, израсходовав последний рожок.

Они проиграли.

Нападающих оказалось слишком много.

Солдат поднял взгляд, с удивлением заметив невдалеке живую и невредимую незнакомку. Это казалось немыслимым, но девушка уже дошла до туннеля. Слепые твари не трогали ее, испуганно шарахаясь в стороны. Происходило невозможное. Стянув мокрый от пота респиратор, боец двинулся следом, не веря собственным глазам. Может, он уже погиб и все происходящее всего лишь предсмертный фантасмагорический сон?

Но то был не сон.

Мутанты больше не нападали, сбившись в огромную шевелящуюся массу на границе света и тьмы. Твари выглядели обеспокоенными, раздувая черные щели плоских носов. Теперь туннель был буквально забит извивающимися

уродливыми телами. Что-то не пускало их на станцию, что-то мешало пересечь границу неверного света.

Спустившись на пути, девушка подошла к туннелю совсем близко. Огромная шевелящаяся масса зловеще нависала над ней, ощерившись кривыми клыками и окровавленными когтями. Уродливые морды слепо шарили по сторонам.

У самой границы света и тьмы незнакомка остановилась, медленно вытянув перед собой левую руку с широко раскрытой узкой ладонью.

Голова ближайшего мутанта судорожно дернулась.

В поведении тварей, набившихся в туннель, что-то неуловимо менялось.

Белые, мокрые от слизи тела пришли в неистовое движение. Слепые уродцы испустили тоскливый, полный нескрываемой боли стон и, калеча друг друга, стали втягиваться обратно во тьму.

Зажмурившись, девушка неподвижно стояла перед пустым черным провалом туннеля.

Легкий сквозняк играл длинными черными волосами.

За ее спиной единственный солдат, оставшийся в живых после кровавой бойни, выронив автомат, опустился на колени.

* * *

На маленькой яркой фотографии счастливые беспечные люди. Мужчина, женщина и ребенок лет пяти. Люди счастливы, они беззаботно улыбаются в объектив нацеленной камеры. Вокруг море зелени. Возможно, какой-то парк. Скорее всего, весна. Неправдоподобно насыщенные солнечные лучи подсвечивают багряным золотом волосы смеющейся женщины. Кусочек хрупкой жизни. Отец держит жизнерадостного малыша на руках. Мужчина высокий и могучий. Он уверен в том, что сможет защитить сына. Малыш ничего не боится, потому что рядом с ним мать и отец. Такие красивые, молодые, сильные. Они как древние боги, как яркий солнечный свет, они будут всегда, и ничто не способно

разрушить эту связь, запечатленную на маленьком кусочке яркого картона. Они вечны.

Но что-то происходит с фотографией. Сочные краски меркнут, снимок неожиданно становится черно-белым, начинает тлеть по краям. Холодное синее пламя медленно пожирает корчащуюся в агонии фотобумагу. Вместо улыбающихся лиц на фотографии проступают оскалившиеся черепа. Пепел осыпается. Пепел не щадит никого. Кто-то посмел бросить вызов самому времени. Кто-то хотел его остановить, ухватить короткое мгновение ускользающего счастья и навеки заточить в куске мутного никому не нужного янтаря. Смешная нелепая попытка! Потому что необратимости невозможно противостоять, ее можно только тайно ненавидеть. Ненавидеть, чувствуя, как ты медленно превращаешься в усохшего, рассыпающегося на глазах мертвеца. И там, на другом конце туннеля, на самом деле ничего нет. Даже кости и те растащат вечно голодные крысы. Пепел к пеплу. Пыль к пыли. И вечный тлен будет править в том мире гулкой вязкой пустоты, обманывая наивных глупцов, бредущих из тьмы к фальшивому гибельному свету...

* * *

Карел медленно выплыл из полузабытья, непонимающе уставившись на сына, теребящего его за рукав. С ним снова случился голодный обморок, второй раз за день. Он отключился автоматически, даже не сообразив толком, что именно произошло. Так дальше не могло продолжаться.

– Папа, папа... не спи... – Данька встревоженно заглядывал в глаза отцу. – Нельзя спать близко от туннеля... Он позовет, и ты уже никогда не сможешь проснуться...

Мужчина окончательно пришел в себя, собираясь с хрупкими, словно битое стекло, мыслями. Он в подземном аду на станции Южный Вокзал. Рядом пылает жаркий костер, бросая замысловатые тени на покрытые изморозью мраморные стены. Беженцы с Холодной Горы испуганно жмутся друг к другу, передавая по кругу жестяную кружку с разбавленным водой спиртом. Спустившись в метро, они подписали себе смертный приговор, и сейчас безуспешно пытались заглушить страх алкоголем.

Карел вспомнил странное видение. Невообразимо яркую фотографию. Казалось, он даже ощущал на лице чистый весенний ветер, напоенный сладкими запахами окончательно проснувшейся природы. Кто были те люди? Безликие тени из прошлой жизни? Но память уныло молчала. Нет, он никогда не знал их. Не мог знать. А даже если бы и знал, то они наверняка давно мертвы.

В кострах полыхала сломанная мебель, собранная в служебных помещениях. Беженцев немного, всего сорок человек, в основном, женщины, дети и старики. Все, что осталось от некогда многочисленного населения благополучного Холодногорского форта № 4, защищенного от опасных районов города непроходимыми наплывами застывшего бетона, расплавившегося, когда на стратегически важный промышленный город посыпались термические бомбы. Неизвестная болезнь выкосила маленькое поселение за коротких три месяца. С каждым днем трупов становилось все больше. Мертвые тела выбрасывали за стены форта, где пировали сбежавшие со всей округи вечно голодные твари. Твари хотели новой еды. Еда находилась рядом. Они чувствовали ее. И тогда случился прорыв. Отбиться удалось слишком высокой ценой: форт пришлось покинуть. Преследуемые по пятам мутантами, оставшиеся в живых бежали в метро. Сунуться следом опасные твари не рискнули, ибо то была чужая охотничья территория. Теперь беженцы в тягостном молчании ожидали на Южном Вокзале, пока в туннелях, ведущих к Центральному Рынку, перестанет бушевать черная буря. Они рассчитывали добраться до станции Советская и попросить убежища в одном из фортов «Торговой Конфедерации». Глупая надежда, но другой не было. Шансы выжить под землей по сравнению с поверхностью равнялись нулю. Однако путь назад был безвозвратно отрезан. Два из трех выходов со станции Южный Вокзал намертво завалены обломками обрушившихся зданий Управления Южной Железной Дороги и Главного городского почтамта. Третий выход, который вел непосредственно вовнутрь вокзала, часто использовали сталкеры, чтобы срезать дорогу и благополучно обойти опасные места на поверхности. По слухам, там ветвился настоящий лабиринт, состоящий из обрушившихся обломков, и только обладая подробной картой можно проникнуть снаружи вниз.

Данька, удобно расположившийся на толстом гитарном кофре, выжидательно уставился на отца.

– Что? – Карел удивленно посмотрел на сына.

– Пап, давай начнем перечитывать книгу...

– Какую книгу?

– Мою любимую, ту, что ты купил когда-то у большого страшного дядьки в черном шлеме.

– Ах, эту... нам повезло, что мы успели ее захватить...

Мужчина полез за пазуху кожаного плаща, обшитого металлическими бляхами, извлекая на свет костра обтрепанную книгу без обложки, купленную несколько лет назад за два патрона калибра 7.62 у вернувшегося из дальнего рейда сталкера.

– Ну, пап, давай же, читай... – все не унимался Данька.

Карел перевел взгляд на темный зев ближайшего туннеля. Черные переливающиеся сгустки длинными жадными языками лизали покрытые инеем рельсы, но что-то не пускало их дальше на станцию, и тогда сгустки, нервно сокращаясь, уныло втягивались обратно. Тот, кто попадал под удар этой стихийно возникающей в разных местах метро дряни, лишался рассудка.

– Хорошо, – согласился отец. – Но с другой стороны, ты бы и сам мог почитать, ты ведь хорошо умеешь...

– Я люблю, когда читаешь ты...

Карел сдался и, перевернув первую страницу, быстро пробежал глазами мелкий текст. Он не зря когда-то потратил патроны. Книга оказалась фантастическим вестерном, а что еще нужно сидевшему рядом с горящими глазами мальчишке?

Прочистив горло, мужчина лукаво подмигнул сыну:

– Мы ведь ее уже пятый раз читаем.

– Все равно хочу еще.

– Да ты ее, пожалуй, уже наизусть выучил...

– Читай же скорее...

И Карел начал читать.

Старый Чед Макнейли был опытным шерифом, как-никак, разменял шестой десяток. По меркам того лихого времени – настоящий долгожитель. Дуракам, как известно, везет, но Макнейли далеко не дурак, и пресловутое везение тут ни при чем. Просто шериф обладал потрясающим чутьем на всякого рода неприятности. Ну, и, кроме того, отлично стрелял, благодаря чему и дотянул до столь впечатляющего на Диком Западе возраста.

Да, конечно, он не всегда носил на груди пятиконечную звезду человека закона, но десять лет на почетной должности тоже не малый срок. Много людей за это время сошло в глубокие могилы по вине бескомпромиссного шерифа, и все они уже ждали его у черной реки забвения Коцит, чтобы крепко вцепиться в глотку, когда и он, старый Чед Макнейли, неизбежно спустится, наконец, в мрачное царство Аида. Но шериф все же надеялся, что это произойдет еще не скоро. А мертвецы подождут, ведь им некуда спешить в отличие от живых...

– А кто такой этот Аид? – неожиданно перебил Данька.

Хорошо, если он понимал хотя бы половину услышанного. Но, несмотря на это, глаза у мальчишки азартно блестели, потому что книга позволяла прикоснуться к удивительному романтическому миру суровых грубых мужчин, живущих в полных всевозможных опасностей неизведанных диких землях.

– Как тебе сказать... – замялся мужчина. – Был у древних греков такой мрачный бог, владыка подземного мира мертвых, где протекали священные реки Стикс, Коцит, Ахеронт и Лета. Души умерших оглашали тягостными стенаниями черные берега. Трехглавый мутант Цербер сторожил вход в это царство. А суровый мрачный перевозчик душ Харон вез в огромной ладье через темные воды Ахеронта недавно умерших бедолаг, путь назад которым заказан навсегда.

– Ух ты! – восхищенно воскликнул Данька. – Выходит, царство Аида это что-то вроде нашего метро? Ведь ты мне однажды рассказывал, будто под городом протекает множество подземных рек.

– Да, – кивнул отец. – Наше метро самый настоящий ад или скорее лабиринт Миноса, населенный всевозможными чудовищами.

– Миноса?

– Минос – древнегреческий мифический царь, скормливавший живых людей чудовищному монстру Минотавру, для которого под собственным дворцом построил огромный мрачный лабиринт.

Похоже, мальчишка оказался вполне удовлетворен ответом, и Карел неспешно продолжил:

Макнейли был опытным шерифом, поэтому когда в городе появилась накрытая куском грязного войлока телега старателя Джона Моргана, он тут же послал мальчишку, крутящегося без дела у почты, за доктором. Проступающие на войлоке темно-багровые пятна не предвещали ничего хорошего.

– Шериф?! – Джон Морган натянул поводья, оторопело таращась на Макнейли. – Черт побери, ни за что бы не подумал, что сразу же наткнулся на тебя. Ты обладаешь чертовски полезным качеством всегда появляться там, где больше всего нужен...

– Что там у тебя, Джон? – шериф мрачно рассматривал смуглую кривую физиономию Моргана, пользующегося среди местных старателей репутацией нечестного картежника. – Надеюсь, никто серьезно не ранен, а то я на всякий случай уже послал за доком.

– Да вот... – Джон как-то смущенно покосился за спину. – Нашли с ребятами новую жилу, полдня шли вдоль Красной реки... Тот индеец, которого я подпоил на прошлой неделе, оказался прав: у дальних скал действительно есть золото...

– Так это он у тебя в телеге валяется? – презрительно скривился Макнейли.

– Кто? – Морган испуганно оглянулся.

– Ну этот твой индеец! – усмехнувшись, пояснил шериф.

– Не-е-е-е-т... – Джон довольно осклабился, демонстрируя жуткие ряды кривых желтых пеньков. – Ты, шериф, наверное, шутишь?

– Да нет, не шучу...

Жужжание мух, кружащих над окровавленным войлоком, раздражало. Макнейли уже было собрался откинуть край грязной накидки, и тут Морган, неожиданно изменившись в лице, хрипло прокричал:

– Не стоит этого делать, шериф, совсем не стоит!

Рука Макнейли замерла на полпути.

– Что ты имеешь в виду, ослиная задница?

– Мы нашли человеческое тело в ущелье недалеко от реки. Поначалу заметили нескольких волков. Это нас озадачило, волки днем, как правило, в этих местах так просто не бродят. Парни пальнули пару раз из ружей, но ни в кого не попали, лишь спугнули серых. Затем нас разобрало любопытство. Мы поднялись по реке чуть выше и нашли то, что лежит сейчас в моей повозке...

– Шериф, вы, кажется, хотели меня видеть?

Макнейли обернулся.

Пожилой аккуратно одетый доктор вопросительно смотрел на него, сжимая в руках маленький черный саквояж.

– Что-то случилось?

Доктор с нескрываемым профессиональным интересом смотрел на жутковатый груз старательской телеги.

– Спасибо, Фрэнк, что ты пришел так быстро, – улыбнулся Макнейли, – но, боюсь, твой саквояж нам не понадобится.

– Давайте-ка я лучше поставлю телегу на заднем дворе гостиницы, подальше от любопытных глаз, – предложил Морган, – там и осмотрите нашу находку.

Шериф с доктором не возражали...

Что-то заставило Карела прервать чтение. Пространство вокруг неуловимо изменилось. Со стороны туннеля повеяло теплым сквозняком. Через секунду он понял: черные языки исчезли, черная буря ушла вглубь метро, продолжая неведомый путь сквозь подземную тьму.

– Слава богу! – вздохнула одна из женщин, прижимая к груди полуторагодовалую худенькую девочку. – Теперь мы сможем пройти. Музыкант, проверь правый туннель к рынку!

Карел кивнул и сунул книгу за пазуху толстого ватника Даньки.

– Ну вот, почитали... – разочарованно засопел тот.

– Смотри не потеряй! – отец шутливо щелкнул сына по носу, затем снял из-за плеча выдавший виды АКМ и спрыгнул с платформы на рельсы, краем глаза заметив высокую сутулую человеческую фигуру, застывшую на выходе из туннеля между тьмой и неверным светом от костра.

Незнакомец выглядел странно. В оборванной одежде и глубоко надвинутом на голову капюшоне, он неподвижно стоял на границе света и тьмы, будто был и не человеком вовсе, а зловещим призраком, только что материализовавшимся из воздуха.

– Какого... – Карел нервно дернул часто заедающий предохранитель.

* * *

На облицованных мрамором стенах стремительно таяла изморозь. Горячая волна, исходящая от непонятого существа, легонько толкнула в грудь. Автомат выпал из разжавшихся пальцев. Окружающий мир опрокинулся, затягиваясь в

черный провал капюшона, надвинутого на глаза монстра. Карел попытался вцепиться непослушными руками в обледеневшие рельсы, но все тщетно – неуправляемая сила тащила его будто тряпичную куклу в жуткий черный провал.

Неожиданно все прекратилось.

Теперь он видел себя откуда-то сверху, будто воспарил под низкие своды угрюмой уродливой станции. Карел знал, что его скрючившееся от невыносимой боли тело лежит сейчас на путях где-то справа.

Это, в конечном счете, спасло ему жизнь.

* * *

Их было больше десятка. Короткие штурмовые автоматы, замотанные черными тряпками лица, темно-серые бушлаты, высокие шнурованные армейские ботинки. На руках повязки с изображением оскالившегося черепа. Рейдеры. Они медленно обходили лежащих без сознания людей, стреляя в голову мужчинам и старухам. На молодых женщин надевали металлические ошейники, а детей, словно они не живые существа, а мешки с песком, грубо волокли к центру платформы и там сковывали одной длинной цепью. Высокий незнакомец в надвинутом на лицо капюшоне тоже был здесь, спокойно ожидая в стороне, пока люди с оружием проделают свою обычную работу. Когда отбор был закончен, незнакомец медленно подошел к каждой женщине и к каждому ребенку, касаясь лежащего рукой. Странное оцепенение мгновенно проходило, люди начинали шевелиться. Дико закричала молоденькая девушка, тут же получив тяжелым ботинком в живот. Грубыми пинками и ударами прикладов рейдеры заставили пленных выстроиться посередине станции, после чего погнали в левый туннель, ведущий к Центральному Рынку.

С тупым безразличием Карел наблюдал, как Данька, скованный цепью с другими детьми, удаляется от него, растворяясь в темноте бесконечного туннеля. Происходящее напоминало сон. Да это и был, скорее всего, сон. Иначе как бы он мог одновременно находиться сразу в двух местах: лежать на путях за платформой и парить под ее низкими закопченными сводами? Нужно только проснуться, и все будет как прежде. Он снова начнет читать сыну книгу, а потом они все вместе продолжат путь туда, где не нужно ничего бояться. Но даже во сне он понимал: такого места не существует. Перед глазами снова горела

странная маленькая фотография, с которой бесстрастно взирали обуглившиеся человеческие черепа.

Из глубоко запавших глазниц веяло испепеляющим сердце холодом безнадежной тоски...

* * *

Когда на город посыпались бомбы, стоял теплый солнечный вторник. Карел ехал с беременной женой в Пятый специализированный городской клинический родильный дом, расположенный на улице Малиновского в районе станции Южный Вокзал. Больница считалась лучшей в городе. Они познакомились в Праге, оказавшись в одной туристической группе из Харькова. Карел решил посмотреть на родину предков и нежданно-негаданно обрел любовь. Жанна работала детским врачом. Карел недавно окончил Харьковскую государственную академию культуры, играя в малоизвестной харьковской рок-группе. Они поженились, когда выяснилось, что Жанна беременна. Родители Жанны купили молодоженам трехкомнатную квартиру в центре города, жизнь понемногу налаживалась.

Когда в поезде метрополитена неожиданно погас свет, а после состав резко остановился, все решили, что отключилась подача электроэнергии. Никто особо не паниковал, многие знали о нескольких случаях подобных сбоев, происходивших в Московском метрополитене. Двери вагонов были открыты, и люди, подсвечивая дорогу мобильными телефонами, стали выбираться из туннеля. А потом туннель содрогнулся, выгнувшись, словно готовящаяся к броску змея, и земля неожиданно ушла из-под ног. Вагоны пришли в движение, размазывая об обвитые кабелем тубинги кричавших от ужаса людей. Нет, электричество так и не вернулось, контактный рельс был мертв. С поездом словно играл гигантский разгневанный ребенок, яростно терзающий надоевшую игрушку. Карелу с Жанной повезло, они успели добраться до платформы Проспекта Гагарина. Все последующее происходило как в горячечном бреде: истошно орущие солдаты, подвывающая обезумевшая толпа, новые толчки, проступающая на платье жены кровь. Выкидыш. Еще не начавшаяся оборванная жизнь.

Проспект Гагарина приютил чудом спасшихся молодоженов на долгие десять лет. Десять лет бесконечного кошмара. Десять лет исступленной борьбы за

существование.

Новый страшный мир издевался над ними. Жанна снова забеременела. Забеременела в крошечном аду.

Кошмар продолжался. Карел не помнил, как смог все это пережить, – в воспоминаниях остались лишь хаотичные обрывки: маленькая душная служебная комната, дрожащие руки бывшего милиционера, при свете тусклой свечи неумело принимающего роды. Окровавленный казенный стол, бледное фарфоровое лицо жены с посиневшими губами. Карел в один миг остался один на один с сошедшим с ума миром, бережно держа в руках маленький верещащий комок. Он еще не понимал, что стал отцом и что отныне его жизнь уже не принадлежит ему.

Данька родился на Проспекте Гагарина, но подземка так и не стала для него домом. Банда явившихся из недр метро охотящихся на людей адельфофагов за одну ночь вырезала почти все население станции. Карелу пришлось бежать на поверхность, в сторону Залютино.

В районе Холодной Горы он смог найти среди местных цыган кормилицу для новорожденного сына и временный приют. Табор благосклонно принял в свои ряды новых членов, и так продолжалось пять лет, пока со стороны Советской не появились боевики «СС-Слободы», за сутки уничтожившие всех «нечистых». Карела с сыном не тронули, а чуть позже на место погибших пришли новые люди, и цыганское поселение зажило прежней полуголодной жизнью.

Большая часть обитателей Харьковской области была уничтожена боевыми отравляющими веществами. Основному ядерному удару подверглась западная Украина и город Киев. Слобожанщину до последнего прикрывал Белгородский противоракетный щит. Близость с российской границей частично уберегла Харьков от смертельно опасной радиации. Именно поэтому уцелевшие после войны люди долгое время ничего не знали о мутантах, но через два года после Катастрофы во множестве плодящиеся на зараженных территориях твари добрались и до Слободской Украины.

Харьковчане жили на поверхности рядом со станциями метрополитена в особых укрепленных фортах, получивших вместо названий порядковые цифровые обозначения. Близость метро жизненно необходима, потому что на станции

Пролетарская находился стокубометровый резервуар с чистой питьевой водой. Вода поступала из глубокой подземной речки, проходя через сеть сложных очистных фильтров.

По сравнению с поверхностью харьковское метро выглядело крошечным адом, населенным особо опасными тварями, никогда не покидавшими границы однажды облюбованных туннелей и станций. Никто доподлинно не знал, что там и как, зато многие любили рассказывать всевозможные страшилки и совершенно дикие, леденящие кровь слухи. Как ни странно, под землей тоже обитали люди, многие из которых были намного опаснее любых монстров.

Рыскающим по поверхности сталкерам часто приходилось спускаться в метро, поскольку благодаря аномальным зонам в некоторые сектора города можно было попасть только через туннели подземки. На отдельных станциях располагались подземные крепости наиболее могущественных группировок, между которыми отсутствовало регулярное сообщение. Они контролировали закупку воды с последующей доставкой на базу и заодно прикрывали себя от нападения со стороны метро.

Так зарождалась новейшая история постъядерной Восточной Украины.

* * *

Кто-то хлестко бил по лицу с упорством тупой беспощадной машины. Бил не кулаком, а ладонью, без жалости, без злобы. Кто-то настойчиво желал, чтобы Карел пришел в себя, чтобы вернулся. Но он не хотел возвращаться, потому что боялся. Недавний страшный сон был способен в одно короткое мгновение воплотиться в реальность. Лучше сразу умереть. Лучше ничего не знать, не знать, не знать... Правда убьет его. Выпотрошит без остатка, как опытный мясник.

– Да очнись же ты! – глухо прорычало над ухом. – Давай-давай... время уходит...

Странно, куда может уходить время? Зачем оно кому-то нужно? Зачем оно теперь ему? Отныне он ничто, потому что потерял сына. Не уберег самое дорогое, то, ради чего жил, дышал, мыслил. Жалкое, слабое, ничтожное существо. Раздавленный сапогом, агонизирующий слизняк.

– Так... зрачки реагируют на свет... Вставай, дружище, их еще можно догнать...

Глаза слепило нестерпимо яркое сияние. Кого можно догнать? О чем это он?

Карел захрипел.

– Наконец-то... – крепкие руки подняли его, усаживая у твердой, источающей холод стены.

В губы уткнулось металлическое горлышко фляги. Вода, холодная и на удивление вкусная. Казалось, он еще ни разу в жизни не пробовал такой потрясающей воды.

– Давай пей... у меня еще есть... пей, говорю...

Он подчинился и через минуту понял, что окончательно пришел в себя. Восстановилось зрение, и Карел смог рассмотреть сурового немолодого мужчину, нервно суесящегося над ним.

– Кто вы?

Неужели это произнес он?

Скорее, то были не слова, а тихий тоскливый стон, однако незнакомец его хорошо расслышал и, спрятав в рюкзак аптечку первой помощи, мрачно улыбнулся.

– Я сделал тебе укол, сейчас вернется чувствительность. Подожди еще минутку. Пока лучше не разговаривай. Онемение пройдет... Не бойся, онемение – это нормально... Тебе повезло, тварь лишь слегка задела тебя. По всей видимости, она растерялась, когда поняла, что людей на станции гораздо больше, чем ожидалось. Основной удар пришелся на тех, кто находился на платформе. У тебя же только выбили из рук оружие.

– Выбили оружие? Но как?

– Да откуда я знаю? – раздраженно отозвался мужчина, подбирая АКМ Карела. – Ну и рухлядь... Неужели это еще и стреляет? Или ты его используешь как дубину? Ты в самом деле рассчитывал убить Толкача из этой ржавой хреновины?

– Кого убить? – переспросил Карел, ощущая, как силы постепенно возвращаются к нему.

Теперь он мог пошевелить не только руками, но и ногами.

– Толкача! – повторил незнакомец, небрежно отбрасывая бесполезный автомат в сторону. – Ту самую тварь, на которую я охочусь. Странно, что ты остался жив. Может, рейдеры не заметили тебя в темноте. Ты настоящий везунчик, такое, братец, в нашем метро редкость.

– Я упал на рельсы... мне действительно повезло...

– Фишер! – коротко представился мужчина, протягивая крепкую жилистую руку.

Карел вяло ответил на рукопожатие.

– Музыкант! – в свою очередь представился он.

Собеседник скептически осмотрел сидящего на путях чернявого длинноволосого мужчину в кожаном плаще и кожаных же, шнурованных по бокам штанах.

– Слышал я однажды о человеке с похожей кличкой... – хитро прищурился Фишер. – Если мне ни с кем не изменяет ветреная память, боевик, носивший ее, состоял в банде покойного Хромого. Не ты ли, случайно, тот самый парень, который в один прекрасный день отправил всю банду к неведомым праотцам туннелей, напоследок пристрелив их главаря?

– Нет, вы меня определенно с кем-то путаете, – ответил Карел, тяжело поднимаясь на ноги.

– Так это твой, что ли, кофр на платформе лежит? – догадался Фишер.

– Мой!

– А внутри что?

– Фендер-стратокастер!

– Врешь!

– Так и есть! Странно, что его не тронули рейдеры, – Музыкант заглянул на платформу, где действительно у догорающего костра мирно лежал черный футляр, на котором недавно восседал живой и невредимый Данька.

– Рейдеры – работорговцы, а не мародеры! – знающе заметил Фишер, подсаживая Карела. – Их интересует исключительно живой товар. Живая, так сказать, валюта, то, что намного ценнее полного магазина к новенькому автомату.

– Женщины и дети? – уточнил Музыкант.

– В основном женщины. С недавних пор они самое ценное, что есть в нашем стремительно вымирающем мире. Не считая патронов, ясное дело. С тех пор, как рейдерам помогает новый вид мутантов, пришедших со стороны Пятихаток, дела у них пошли в гору.

– Толкачи? – утонул Карел, поднимаясь по чугунной лесенке на платформу.

– Так их называют, – подтвердил Фишер. – Внешне очень похожи на людей, но совсем не люди.

– И при этом достаточно разумны, чтобы сотрудничать с рейдерами?

– Это да, это ты точно подметил, приятель. Так им проще выжить в метро. Рейдеры заботятся о них, подкармливая человеческим мясом. Симбиоз!

– Что?!!

– Да-да, именно так, дружище, именно так... и не надо на меня смотреть жуткими глазами. Эта хитрая мразь ничего другого не жрет, проверено на

практике.

– Но почему их называют Толкачами? Кого и куда они толкают?

– Спроси что-нибудь полегче... впрочем, наверняка это связано с их способностью влиять на поступки человека. Они ведь могут не только обездвиживать людей, некоторые наиболее сильные особи способны управлять человеком, полностью подавляя его волю...

Удовлетворенный объяснением, Музыкант перекинул через правое плечо туго набитый армейский рюкзак, а на левое повесил тяжелый гитарный кофр. Только сейчас он обратил внимание на необычное оружие, видневшееся за спиной разговорчивого охотника: изящный металлический арбалет, хищно поблескивающий в свете умирающих костров.

Фишер включил фонарь на полную мощность и, осмотрев внимательно следы, указал на один из восточных туннелей:

– Они ушли туда! За двадцать минут без труда нагоним ублюдков.

– И что потом?

– Потом по обстоятельствам.

– А почему вы не атаковали их раньше, еще до того, как рейдеры напали на станцию?

– Их слишком много. Кроме того, мне нужен только мутант.

Пройдя через станцию, охотник ловко спрыгнул на рельсы ветки, по которой когда-то приходили поезда со стороны Советской, и, светя под ноги, трусцой побежал в сторону Центрального Рынка. Карел бросился следом.

– Вы наемник? – прямо спросил он, поравнявшись с бегущим Фишером.

– Что-то вроде того...

– И сколько вам пообещали за мертвого мутанта?

– Триста патронов! – чуть погодя ответил охотник. – За одного убитого урода. За трех можно купить молодую женщину, которая скрасит одиночество любому мужчине в этом проклятом Богом аду.

– И как вы собираетесь его убить?

– Очень просто! – наемник чуть сбавил темп. – После того, как Толкач наносит мощный ментальный удар, он временно уязвим. Тварь можно брать практически голыми руками, пока она не восстановит силы. Я шел за ним по поверхности со стороны Гончаровки. Он долго выслеживал вашу группу, тщательно взвешивая собственные силы. Если людей слишком много, слабые мутанты стараются не атаковать, но этот попался матерый, всех с одного раза положил.

– Зачем он рейдерам? Ведь они могли бы и без него с оружием в руках захватить беженцев.

– Нет, не могли... – Фишер выругался, споткнувшись о проشمывнувшую под ногами крупную крысу. – Завязалась бы перестрелка, ведь у ваших наверняка имелось оружие, даже у женщин. Непременно кто-нибудь погиб бы. У работоторговцев, между прочим, каждый человек на счету. Кроме того, во время боя велика вероятность повреждения живого товара. Одним словом, мутант-союзник здорово экономит силы и нервы.

Вдалеке забрезжил неясный свет, слышались голоса. Наемник выключил фонарь. Карел услышал, как в темноте звякнул металлический болт, вставляемый в арбалет. Теперь они двигались медленно, вжавшись спинами в тубинги туннеля, давно обжитые холодными безжизненными проводами.

* * *

Яркий свет бил из прожектора, установленного на моторизированной дрезине. Рейдеры грузили связанных женщин. Пленных детей нигде видно не было. Будто подслушав чужие мысли, наемник нервно зашептал:

– Как правило, дрезин у них две: на первой отправляют детей, на второй перевозят женщин. В этот раз всем места определенно не хватит, часть ублюдков пойдет по путям пешком.

– Я не вижу мутанта.

– Он там, я чувствую эту тварь. Его не пустят на дрезину, пойдет к рейдерской базе своим ходом.

– А где она находится? – спросил Музыкант, но Фишер ему не ответил.

Дрезина медленно покатила по ржавым рельсам. Как и предполагал наемник, пятеро рейдеров остались в туннеле, и Карел, наконец, смог рассмотреть среди них сутулую фигуру мутанта.

– Ну, вот и все... – наемник дождался, когда громко переговаривающиеся работоторговцы тронутся в путь, затем снова включил фонарь и, положив арбалет на шпалы, стал меланхолично привинчивать к анему извлеченный из кармана разгрузки оптический прицел. – У тебя есть хоть какое-нибудь оружие кроме той гомерической рухляди, что я выкинул на станции?

Музыкант молча снял из-за спины гитарный кофр и, отстегнув блестящие замки, извлек на свет изящную СВД.

Фишер тихонько присвистнул:

– И ты по-прежнему утверждаешь, что не являешься тем человеком, о котором я тебя недавно спрашивал?

– Возможно, он мой однофамилец, – безразлично пожал плечами Карел, возвращая заметно полегчавший кофр за плечо.

– Кличка и фамилия – разные вещи.

– А по мне так один хрен...

– Тебе, конечно, виднее... – не стал спорить наемник. – Ну а винтовку зачем в кофре таскаешь? Неудобно ведь. Такую крутую штуку лучше всегда держать под рукой.

– В том-то и дело, – грустно вздохнул Карел. – СВД – очень дорогое и редкое оружие, многие захотят заполучить его, так что лучше лишний раз ствол не светить. Меня уже один раз пытались убить из-за винтовки, с тех пор я и обзавелся кофром...

* * *

– Зажмурься и отвернись! – прикрыв лицо рукавом, Фишер метнул в туннель световую гранату.

Резкий хлопок ударил по ушам. Музыкант успел зажмуриться, но яркая вспышка прошла сквозь веки. Пред глазами заплескали красные круги.

– Я же сказал отвернуться, мать твою! – зло выругался наемник, спуская тетиву арбалета. – Сейчас добавим немного света...

– Что там у тебя, сигнальная ракетница?

– Она самая... хотя и самодельная...

Шипящая ярко-красная стрела пронзила густой мрак туннеля, вонзившись в грудь слепо шарящего перед собой работаровца. Человек закричал и, нелепо взмахнув руками, упал на спину. Впившаяся в тело красная свеча продолжала неистово гореть.

– Мое изобретение! – с гордостью сообщил ошарашенному Карелу невероятно довольный собой Фишер.

Рейдеры открыли огонь вслепую. Высекая бетонное крошево, пули яростно вгрызались в бока тубингов. Лежащий на шпалах Карел поймал в прицел снайперки голову ближайшего врага, вжавшегося спиной в обвитую кабелями стену. Блики красного света от догорающей ракеты окрашивали место битвы в кровавый потусторонний свет. Палец мягко утопил спусковой крючок. Голова

работорговца взорвалась черными брызгами.

– Что с мутантом? – Музыкант повернулся к перезаряжающему арбалет Фишеру.

– Готов! – рассмеялся наемник, отправляя в полет очередной смертоносный болт.

– Убит?

– Почти...

– В смысле?

– Ранен!

– В такой темноте?

– А у меня глаза, как у кошки!

Заградительный автоматный огонь неожиданно прекратился.

– Чистяк, кидай гранату! – донеслось из туннеля.

Похоже, к работорговцам возвращалось зрение.

– Так завалит же всех на хрен...

– Кидай, говорю!

– А вот это уже совсем плохо! – отложив в сторону арбалет, Фишер вскочил на ноги.

Выхватив из-за спины два пистолета, матерящийся на чем свет стоит наемник открыл огонь по-македонски:

– Сдохните, суки-и-и-и!..

– Пижон! – усмехнулся Карел, снимая очередного рейдера, прячущегося за телом убитого арбалетным болтом напарника.

– А, гады!.. – взрыкивающе донеслось из туннеля.

Судя по всему, подземный «Рэмбо» сцепился врукопашную с одним из рейдеров.

Изучив через оптический прицел винтовки неподвижные тела, Музыкант осторожно двинулся к месту стремительной расправы.

Однако сражаться было уже не с кем.

Забрызганный кровью Фишер вырезал из остывающих трупов драгоценные арбалетные болты.

* * *

Красная сигнальная свеча догорела, и наемник в очередной раз включил мощный фонарь, с удовольствием рассматривая корчащегося между рельсами Толкача.

Карел подошел к тихо подвывающему мутанту. Пинком перевернул тварь набок и коротко спросил:

– Где мой сын?

Толкач не ответил. Музыкант присел рядом, потянувшись к скрывающему лицо выродка капюшону.

– Не надо, – остановил его Фишер, и рука Карела замерла в воздухе. – Не советую этого делать.

– Но почему?

– Во-первых, мутант не может говорить, хотя все понимает. Во-вторых, лицо Толкача лучше не видеть. Знаешь древнегреческий миф о Медузе Горгоне?

– Знаю!

– Вот то-то же! Ублюдок недаром прячет свое мерзкое обличье под капюшоном.

– И ты действительно в это веришь?

– Верю во что?

– В то, что тот, кто увидит его лицо, превратится в камень?

– Ты хочешь проверить это на собственном опыте?

Музыкант все понял и, отойдя от мутанта, принялся обыскивать трупы работоторговцев. Тем временем наемник, повесив за спину арбалет, снял с пояса широкий разделочный тесак и, став на колени рядом с раненой тварью, нанес ей мощный удар в горло. Толкач издал сдавленный хлюпающий звук, забрызгав морщившегося Фишера черной кровью.

– Если брезгливый – лучше не смотри... – предупредил наемник. – Я должен отрезать голову. Кстати, ты зря его расспрашивал насчет сына, он не может связно говорить.

Карел отвернулся, и через пятнадцать минут все было кончено. Голова мутанта благополучно переключивалась в специальный брезентовый мешок. Перемазанный кровью, но необычайно довольный наемник по-дружески хлопнул Музыканта по плечу:

– А ты, как посмотрю, боевой парень! Значит, не пропадешь! То, что сына твоего рейдеры забрали, плохо, но главное, он жив. Ты спрашивал про базу... Честно говоря, не знаю, где она. По вполне объяснимым причинам работоторговцы тщательно скрывают место своей постоянной прописки. Я возвращаюсь к Южному, у меня кое-какие дела, но напоследок дам тебе совет: не ходи пока к Рынку. Там в последнее время какая-то непонятная чертовщина творится. Повремени хотя бы сутки.

– А как же дрезины? – удивился Карел. – Они ведь ушли как раз в том направлении?

– Рейдеры знают обходной маршрут. Там дальше служебный туннель, идущий прямо к управлению метрополитена. Можно, не заходя на Центральный Рынок, выйти прямо к Советской.

– Спасибо за совет!

– Предупрежден, значит, вооружен, так ведь? – улыбнулся наемник. – Надеюсь, ты найдешь сына. Прощай!

Привязав сумку с головой убитого мутанта к поясу, Фишер медленно побрел обратно к вокзалу.

* * *

Карел не послушался совета наемника. Данька не мог ждать ни одной лишней минуты, потому что каждая из них стоила целой жизни. Он знал, отец рано или поздно придет за ним, он был в этом уверен.

Центральный Рынок выглядел вполне обычно, хотя Музыкант после Катастрофы никогда здесь не бывал. Облицованные мрамором стены заброшенной станции светились в темноте призрачным синим светом, и если присмотреться, то можно разобрать удивительное мельтешение маленьких полупрозрачных светлячков. Пятнадцать высоких колонн, напоминающих олимпийские факелы, поддерживали высокий потолок. Станция строилась открытым способом, от поверхности ее отделяли каких-то полметра. Центральный Рынок был абсолютно безлюден, пол покрывал толстый слой пыли.

Поднявшись на платформу по дребезжащей чугунной лестнице, Карел собрал с одной из колонн немного съедобной плесени, соскребая ножом влажные, пахнущие свежими огурцами комочки. Подкрепившись, он дошел до противоположного конца перрона и вновь спустился на пути к зеву очередного туннеля, над которым висели давно не работающие электронные часы. Но что-то заставило в последний момент обернуться. Обернуться до того, как он погрузился в обволакивающий мрак ведущего к Советской темного железнодорожного перехода.

Центральный Рынок больше не был пустым. В сумрачном синем свете перрон наводнили суесящиеся люди. Торговали оружием жуликоватого вида лоточники, дымились над маленькими жаровнями тушки нанизанных на стальную проволоку крыс, у дальней лестницы, ведущей к пропускным автоматам, играл на аккордеоне всклокоченный старик безумного вида. Рядом со стариком стояли двое широкоплечих мужчин в комбинезонах радиационной защиты, поверх которых надеты неудобные громоздкие бронежилеты. Один из сталкеров слегка притоптывал ногой в такт наверняка незамысловатой мелодии. И все это – в абсолютной, гробовой тишине. Призраки давно погибших людей продолжали упорно имитировать прежнюю жизнь.

По слухам, увидевший их обречен на скорую смерть.

Карел спокойно вошел в туннель. Он не верил глупым рассказам. Не имел права верить. Потому что где-то там, в вечной пустоте подземного лабиринта Миноса, его ждал потерянный сын.

Часть 1

Станция «Жизнь»

Глава 1

Тринадцатый форт

Харону снился сон.

Странное сновидение меньше всего походило на болезненный кошмар, но это был именно кошмар. Для него. Ни для кого другого. Его личный маленький ад. Персональная пыточная. Огромный, бесконечный, утренний парк заливают яркий янтарный свет. Под ногами вкрадчиво шепчет желтая листва, ласкаемая порывами прохладного осеннего ветра. От стволов обнесенных золотом деревьев рябит в глазах. Это тот мир. Навеки утраченный. Куда нет возврата.

Куда невозможно попасть. Мир, глубоко погребенный в памяти тех, кто еще мог вспоминать. Кто не утратил надежды.

Но надежды на что?

Нет, его обманули. Грязно, подло обманули. Кто-то изощренно издевался, с хитрым прищуром глядя откуда-то сверху, где нет лазурной синевы, а есть только чернильно-черная пустота.

Харон быстрым шагом шел вдоль парковой аллеи. Вот он, обман. Минорная диссонансная нота. То, что в корне меняло всю картину, нарушало гармонию, пятнало идиллическое прошлое.

На парковых скамейках сидели мертвецы в истлевшей одежде: мужчины, женщины, дети. Иссохшие лица, перекошенные черные рты. Высохшие мумии, нелепые куклы, изготовленные неведомым маньяком. Грубые манекены, созданные во имя неизбежной и совершенной смерти.

Харон остановился. Он знал – на небо нельзя смотреть. Мужчина представлял его бескрайним голубым океаном. Темно-голубым, потому что вокруг царит осень. Но это лишь еще один подлый обман. Потому что неба над головой на самом деле нет, и стоит ему только задрать голову... Нет, не сейчас. Он должен еще раз увидеть их. И только тогда... можно... уйти. На время. Пока он снова неизбежно не окажется здесь.

Мертвецы на скамейках ждали.

Ждали, что Харон сделает следующий шаг.

И он его сделал...

* * *

Молодая симпатичная женщина сидела на самой дальней скамейке. Длинные русые волосы скрывали лицо. Женщина держала в руке мобильный телефон, что-то внимательно высматривая на светящемся экране. Рядом с матерью болтал ногами в маленьких красных сандаликах жизнерадостный пухлощекий

мальчишка с голубыми глазами. С такими же глазами, как и у сидевшей рядом женщины. Харон подошел ближе. Он хорошо знал, что сейчас должно произойти. Но они выглядели такими настоящими, такими живыми. Мальчик смотрел сквозь него, будто Харон был бестелесным призраком. Да он, наверное, и был призраком. Нелепым, бесполезным призраком, пришедшим... Откуда? Из прошлого? Нет, скорее, из страшного беспросветного будущего. Что бы они делали в том мире, где жил он? Смог бы Харон их защитить?

Наверное, да.

Но что бы то была за жизнь?

Мужчина протянул руку, касаясь густых волос женщины, и волшебство пропало. За мгновение до того, как он смог что-то почувствовать, окружающий мир стремительно изменился. На тонких бледных запястьях жены открылись ярко-красные рты, кровь медленно растеклась, пятная белоснежную кожу. Лицо улыбающегося сына покрылось сеточкой черных разводов, глаза провалились. Харон закричал, заметив периферийным зрением, что мертвецы на скамейках пришли в движение. Нужно бежать. Нужно посмотреть на небо. И он посмотрел. И черная пустота засосала его, будто ревуший речной поток невесомую щепку...

* * *

Происходило что-то невероятное. Он оказался под землей. Харон понимал, что все еще спит и теперь видит сон про метро. Такое с ним происходило, пожалуй, впервые. Сколько он себя помнил, ему ни разу в жизни не снились туннели. Другим да, но только не ему. И вот этот странный момент настал.

Харон сразу узнал станцию. Южный Вокзал. Зброшенное, пользующееся дурной репутацией место, где слишком много радиации и необъяснимых ментальных атак стихийного характера. Уродливая, никому не нужная станция. Сталкеры часто используют ее, чтобы срезать путь и обойти завалы на поверхности. Говорят, им удобно. Ну, хоть какая-то польза. За эскалатором короткая платформа, по бокам широкие колонны, вызывающие стойкое чувство клаустрофобии. Клаустрофобия. С этой болезнью в метро не выжить. Или выжить все-таки можно, медленно и неотвратно сходя с ума? Интересная теория, но проверить некому.

В конце платформы тупик. Синие ржавые решетки. Двери в служебные помещения распахнуты. На перронах расположились люди. Горят чадающие костры, марая низкие своды. Сквозняк вытягивает черный дым в туннели, где происходит что-то страшное. Харон не видит, что именно, но чувствует: люди ждут, пока опасность минует. Неведомый оператор уводит камеру вправо. Вот давно не работающие электронные часы, невдалеке один из костров. У огня интересная пара – длинноволосый мужчина в кожаном плаще и мальчик лет десяти – двенадцати. Мальчик сидит на черном гитарном кофре. Сердце Харона вздрагивает. Неужели после Катастрофы каким-то чудом сохранились музыкальные инструменты? Что, если там электрогитара? Одна из тех, что он собрал собственными руками? В той жизни, когда был простым человеком, а не перепуганной, вечно трясущейся загнанной крысой.

– Запомни лицо!

Тихий, лишенный интонации шепот звучит внутри головы, зудящим эхом отдаваясь от задней стенки черепной коробки. Он не просит, а приказывает, и противиться, казалось, невозможно. Немыслимо. Противоестественно.

– Чье лицо?

Собственный голос кажется хрипом умирающего. Невидимый собеседник не отвечает. Каким-то седьмым чувством Харон осознает – внизу у костра отец и сын. Отец читает мальчишке книгу с оторванной обложкой. Звука нет. Длинноволосый беззвучно открывает рот, ребенок улыбается. Чье же лицо нужно запомнить? Мальчика? Отца? И тут он замечает тень. Черную, постоянно меняющуюся субстанцию, напоминающую зыбкими очертаниями сутулую человеческую фигуру. Тень зловеще нависает над мальчиком, и от нее исходит поток такого холодного ужаса, что Харону становится страшно.

– Не оглядывайся... – хрипло кричит он, понимая, что его не услышат. – Пожалуйста, только не оглядывайся...

Но мальчишка и не думал оглядываться, увлеченно слушая отца.

Черная тень хищно клубится за спиной ребенка, страстно желая поглотить его и одновременно – не в силах коснуться.

– Убирайся прочь, тварь... – Харон изо всех сил рванулся к клубящейся тьме и в следующее мгновение окончательно проснулся.

* * *

Сердце выскакивало из груди. Будто черная взбесившаяся птица рвалась на свободу из непрочной клетки в последний роковой полет. Харон представил, как крупный черный ворон, роняя с крыльев багровые капли, стремительно выскальзывает из его раскрытых ребер. Ворон. Кое-кто в прошлом считал эту умную птицу проводником в царство мертвых – уж очень она любила выклевывать глаза мертвецам. Во что сейчас превратились выжившие после Катастрофы особи, лучше не думать.

Рука нашарила в кармане рубашки коробочку с нитроглицерином. Бесценное сокровище, стоившее баснословное количество патронов. Срок годности давно вышел. Плацебо? Пусть даже так.

Мягкий желатиновый шарик скользнул в рот. Зубы сомкнулись, давя оболочку. Сейчас, еще немного. Все...

Харон приподнялся на локтях, вглядываясь в царящую вокруг абсолютную тьму. Затем дрожащей рукой зажег масляную лампу, робко окрасившую призрачным светом маленькое жилище. Сколоченная из грубых фанерных листов комната, примостившаяся в дальнем углу облюбованного людьми супермаркета, считалась пределом роскошных апартаментов для гражданских. В более просторном помещении жил разве что полковник Глеб Шмелев с семьей – глава форта № 13 и бессменный лидер группировки военных со странным названием «Лимб». Хотя почему странным? Просто полковник оказался весьма остроумным человеком. Назвать группировку именем одного из кругов Дантового ада мог только тот, кто хорошо понимал, где и зачем все оказались после того, как собственными руками уничтожили отнюдь не идеальный, но все равно дивный мир. Ко всему Шмелев еще и весьма начитанная личность. Среди профессиональных военных такое редкость. Хотя что на самом деле знал о них Харон, чтобы иметь право так судить?

* * *

Кем был Харон до Катастрофы? Довольно известным харьковским гитарным мастером. Лучший ученик знаменитого питерца Евгения Логинова. Многие местные группы играли на его инструментах: от легендарных «КПП» до не менее легендарных тяжелых металлических команд, которыми всегда славилась Слободская Украина. В общем-то и свою кличку он получил за фанатичную любовь к мрачной тяжелой музыке. Но все это осталось в бесконечно далеком мертвом прошлом.

Харон выбрался из теплого спального мешка. В широком осколке зеркала, прикрученном к фанерной стенке медной проволокой, отразился немолодой седобородый мужчина: густые, тронутые серебром волосы ниспадают на плечи, высокий лоб, хмурый взгляд глубоко запавших черных глаз. Так, наверное, мог бы смотреть старый, изгнанный из стаи волк. Или шакал? Последнее уже зависит от обстоятельств. Сорок восемь лет. По меркам нового враждебного мира, где едва доживали до тридцати, – огромный возраст. Почти старик. Почти. Но не уже.

На часах пять тридцать утра. Через полчаса на полную мощность заработает дизель-генератор, начнется очередной постылый однообразный день. Харон пригладил волосы и, отвернувшись от зеркала, сел на старую скособоленную табуретку в углу. Говорят, смотреться в разбитое зеркало – плохая примета. Что ж, в его обстоятельствах любая плохая примета – полная ерунда. Что может быть хуже того места, в котором он живет? Что может быть страшнее нового мира? Что может быть ужаснее того, что произошло со всеми людьми? Смерть? Сейчас это, пожалуй, благо, избавление, милосердие. Почему люди до сих пор цепляются за жалкое никчемное существование? Возможно, они больны. Неизлечимо больные мазохисты, пораженные, ко всему прочему, психическим недугом шизофренического оптимизма. М-да, оптимизм в подобном месте... и впрямь психическая болезнь.

До запуска генератора тридцать минут.

Харон вспомнил недавний сон. Нет, не тот, что с яркой солнечной аллеей, а другой, про метро. Что-то подсказывало: у сна в скором времени появится интересное продолжение. Невидимая, натянутая в окружающем пространстве струна томительной неизбежности, наконец, лопнула и теперь грядет страшная катастрофа. И что бы ты ни делал, неизбежный конец невозможно отсрочить. Скверное предчувствие? Да, это оно. Старый матерый волчара никогда не ошибается, хотя и обречен до конца жизни подбирать объедки, превратившись в

недостойного лесного падальщика. Ну и образ, мать-перемать! Харон знал, первый сон неразрывно связан с фотографией, которую он хранит столько лет. Вот и сейчас, бережно взяв с полки потрепанный томик Кортасара, вынул из книги прямоугольный квадратик цветного окна в прошлое.

...На маленькой яркой фотографии счастливые беспечные люди. Мужчина, женщина и маленький ребенок лет пяти. Люди счастливы, они беззаботно улыбаются в объектив нацеленной камеры. Вокруг море зелени. Возможно, какой-то парк. Вероятно, весна. Неправдоподобно насыщенные солнечные лучи подсвечивают багряным золотом волосы смеющейся женщины. Кусочек чьей-то хрупкой жизни. Отец держит жизнерадостного малыша на руках. Мужчина высокий и могучий. Он уверен в том, что сможет защитить сына. Малыш ничего не боится, потому что рядом с ним мать и отец. Такие красивые, молодые, сильные. Они как древние боги, как яркий солнечный свет, они будут всегда, и ничто не способно разрушить эту связь, запечатленную на маленьком кусочке картона. Они вечны...

Двое из троих людей на фотографии давно мертвы. Мертвы, как и Харон. Но он, в отличие от них, не ушел, превратившись в живого мертвеца, выжженного изнутри, трухлявого зомби. И если бы не тот дар, который он нес в себе и который так необходим другим людям, он бы давно отправился вслед за теми, кого однажды не по собственной воле потерял. Потерял еще в той, другой, благополучной жизни. Но он не имеет права уйти. Во всяком случае пока, потому что он апологет. Один из немногих, чье существование в новом мире небесполезно.

И уже только ради этого стоит жить.

Мужчина снова взглянул на наручные часы. Еще двадцать минут. Можно попробовать немного расслабиться. На длинной полке рядом с книгами покоилась бесценная коллекция компакт-дисков. Вернув Кортасара на место, Харон выдернул из стопки квадратную пластиковую коробку. На черно-белой обложке статуя лесного оленя, на заднем фоне облетевшие мертвые деревья. Американская группа «Agalloch», короли эмбиент-дума. Альбом «The Mantel» маленький атмосферный шедевр. Обложка отдавала студеным январским холодом, тем же холодом отдавала и бесконечно глубокая мрачная музыка. Почти идеальное сочетание безысходности, тлена, тщетности и бессмысленности человеческого бытия. Надгробный камень надежды.

Блестящий кругляш мягко скользнул в CD-плеер, щелкнула серебристая крышка. Апологет надел старые, замотанные в нескольких местах прозрачным скотчем наушники, нажимая отполированную до блеска кнопку «play». Окружающий мир на время исчез, а в душу вполз обманчиво-ласковый вечный бессмертный холод.

* * *

Они появились не сразу. О них долгое время никто ничего толком не знал. Уникальный дар апологетов обнаружился случайно, когда никому не известная хрупкая девушка, выставив перед собой руку, смогла остановить поток обезумевших тварей, рвущих на куски все живое. Она и сама не поняла, зачем спустилась вниз на заброшенную станцию. Просто, подчиняясь внезапному порыву (страх? наитие? безумие?), вышла к туннелю метро, став на пути приближающейся неотвратимой смерти. Когда она вернулась на поверхность в сопровождении единственного выжившего бойца, суровые, закаленные в боях солдаты «Торговой Конфедерации» преклонили колени перед незнакомкой, спасшей их форт. Так началась история апологетов. Еще через какое-то время выяснилось: таких людей несколько. Точное количество неизвестно, поскольку информация тщательно скрывалась. Говорили, что люди с уникальным даром объединены в некий таинственный Круг и что Кругом управляет апологет по кличке Овод. Никто не знал этого человека в лицо, даже члены самого Круга.

В каких поселениях нашли приют апологеты?

Каков предел их возможностей?

Как они выглядят?

Вопросы, задавать которые не только бессмысленно, но и опасно. Каждый форт хотел иметь своего персонального защитника, потому что присутствия всего лишь одного апологета достаточно для того, чтобы навсегда избавиться от опасности нападения мутантов. Уже много лет за апологетами велась негласная охота. Незримая, никогда не прекращающаяся тайная война. Вездесущие шпионы обыскивали поселения, время от времени попадая в руки контрразведки военных, после чего бесследно исчезали. Но даже это не останавливало желающих знать больше положенного.

Точно определить, на какой форт часто нападают мутанты, а на какой нет, было невозможно. Местные жители ненавидели чужаков, а за выведывание подобной информации, как правило, следовала мгновенная расправа. Даже само слово «апологет» опасно произносить, чтобы не навлечь на себя внимание тайных агентов Круга, которые тут же сдадут подозрительного человека разведчикам «Лимба». Среди руин Харькова царила обстановка острой неистребимой паранойи, но люди точно знали: случись серьезная беда, и разбросанные по разным поселениям апологеты объединятся. До сих пор больших прорывов чудовищ в полуразрушенный город ни разу не случилось. Но это не означало что подобное невозможно в будущем. И только апологеты способны защитить от смертельно опасных непредсказуемых тварей.

* * *

Без сомнения, эти люди своего рода мутанты. Под воздействием биологического и радиационного заражения они приобрели необычные способности. Существовала интересная легенда, что все они однажды пришли со стороны Проспекта Гагарина, где, по слухам, во время войны одна из сторон задействовала некое экспериментальное облучающее оружие. Большинство попавших под излучение впоследствии погибло, но ничтожный процент неожиданно приобрел недоступные обычным людям способности (непредусмотренный побочный эффект). Что стало катализатором, доподлинно неизвестно. Возможно – наследственность, некие особые гены, предрасположенность к определенному типу излучения. Однозначного ответа не существовало. Влияние одного апологета, как правило, распространялось максимум на одно-единственное поселение или станцию метрополитена. Необъяснимая, отпугивающая чудовищ сила просыпалась только в замкнутом пространстве. Оказываясь за пределами форта, под открытым небом, апологет терял уникальные способности. То был так называемый «синдром чистого неба». Именно из-за него апологеты редко покидали пределы родных поселений, потому что утрата даже одного из них – смертельная опасность для всего города.

* * *

С сожалением стянув наушники, Харон уже собрался покинуть фанерную комнатку, как неожиданно в обитую жестью хлипкую дверь деликатно постучали.

– Войдите! – апологет поспешно спрятал CD-плеер – предмет зависти многих обитателей тринадцатого форта.

Дверь со скрипом приоткрылось, и в образовавшемся проеме возникла немного смущенная физиономия майора Жданова, отвечавшего за безопасность поселения.

– Глеб Валентинович, тут к вам посетитель со стороны улицы Мира пришел!

– И вам доброе утро, Алёша!

– Гм... извините за столь ранний визит... но он очень настаивает...

Харон грустно вздохнул:

– Назвался хоть?

– Зовут Фоксом! Я его еще по прошлому визиту к вам запомнил.

– Ах, этот...

– Ну да, скользкий тип! Вы бы за ним присматривали, а то неровен час что-нибудь пропадет.

Апологет улыбнулся:

– Не беспокойтесь, Алексей, я за ним хорошо присмотрю.

– Ну, так что, его прямо к вам сюда проводить?

– Нет, не нужно прямо сюда. Я как раз собирался завтракать. Отведи его в общую столовую.

Жданов коротко кивнул.

* * *

Общая столовая располагалась посредине зала бывшего супермаркета. Длинная брезентовая палатка устанавливалась два раза в день на завтрак и на обед, в остальное же время в целях безопасности демонтировалась, чтобы не занимать лишнее пространство. Солдаты уже позавтракали. Когда Харон вошел, за ближайшим пластиковым столиком пили чай две молодые девушки, кажется, жены младших офицеров.

– Как обычно? – вежливо осведомился повар Ильич, добродушный полноватый мужчина, говоривший с легким западно-украинским акцентом.

– Как обычно! – подтвердил апологет, занимая любимый столик рядом с пышущей жаром походной кухней.

Кормили в Тринадцатом форте по-барски, неспроста ведь поселение стратегического значения. Тринадцатый номер форту присвоили потому, что рядом располагался вход на станцию метро Пролетарская – конечную Холодногорско-Заводской линии, а также, по совместительству, подземную крепость группировки «Лимб». Станция тринадцатая по счету, если отправной точкой считать Холодную Гору. Что и говорить, счастливое число. Во всяком случае, для обитателей города. Пролетарская играла жизненно важную роль. Здесь располагался огромный резервуар с чистой питьевой водой, которой снабжались все форты. Вода поступала в резервуар из глубокой подземной реки, проходя сеть сложных фильтров.

Пока Ильич в засаленном фартуке колдовал над заказом, в столовую заглянул невысокий тщедушный мужчина в мешковатом балахоне защитного цвета. Маленькие глазки цепко ощупали окрестности и, сфокусировавшись на цели, удовлетворенно мигнули.

Харон кивком указал на свободный стул. Фокс неспешно засеменял вдоль пустых столиков. Сидевшие у самого входа девицы неприязненно оглядели незнакомца и о чем-то быстро зашептались. В профиль этот человек больше всего напоминал грифа-падальщика: крупный нос с горбинкой, маленькие глаза, выдвинутый вперед кадык, редкие волосы.

Ильич принес завтрак: аккуратно нарезанный сыр, десяток галет и большую кружку настоящего цейлонского чая.

Крупный нос Фокса алчно задвигался. Аромат от чашки шел умопомрачительный.

– Неплохо живете! – прошепелявил человек-гриф, усаживаясь напротив.

– Не жалуемся, – апологет меланхолично подул на горячую чашку.

– Сто лет настоящего чая не пил... – неожиданно признался утренний визитер. – Все ту бурду из бурой плесени. Ну, из той, что мичуринцы «Торговой Конфедерации» выращивают.

Харон не ответил. Он не любил главу курьеров Круга. Прав майор Жданов, Фокс – скользкий и опасный тип, никогда не знаешь, что у него на уме. Но раз явился лично, значит, его привело дело чрезвычайной важности.

Неловкое молчание затянулось. Чай медленно остывал. Апологет выжидающе смотрел на курьера.

– Я по поручению Круга! – кашлянув, тихо проговорил Фокс. – Меня попросили кое-что передать тебе лично в руки.

Из недр безразмерного балахона возникла бледная рука. Харон был не на шутку заинтригован, принимая из рук посыльного белый запечатанный конверт.

– Что внутри? – автоматически спросил он.

– Зашифрованная эпистола от главы Круга и жетон допуска первой степени.

– Даже так?

– Тебе оказано огромное доверие!

– Я польщен!

– Не юродствуй, это дело... особой важности, раз до тебя снизошел Главный. Да ты и сам все прекрасно понимаешь. Ты ведь тоже видел сон?

– Какой сон? – насторожился апологет и даже отставил недопитую чашку в сторону.

– Про метро!

– Я вижу много снов в последнее время, Фокс, и все они про метро...

– Опять юродствуешь! Это тебе, между прочим, не к лицу. Я про сегодняшний сон!

– Однако! – Харон слегка подался к ехидно ухмыляющемуся собеседнику. – Как же быстро вы работаете.

– В стремительности наш успех! – парировал главный курьер. – Ты только досматривал сон до конца, а Главный уже писал зашифрованное послание. Душа Нового Мира изъявила волю, нам необходимо вмешаться.

– Кому это «нам»?

– Апологетам! – едва слышно прошептал Фокс. – Сон видели исключительно члены Круга, причем некоторые раньше других, а у Главного он повторялся уже трижды. Стало ясно, это неспроста. Впервые за все время существования Круга Душа Мира открыто диктует свою волю.

– Я в это не верю! Все разговоры о том, что нашими устами глаголет некая незримая сила... или еще что-то в этом роде, – полная чушь. Членам Круга на самом деле необходимо только одно – безграничная власть. А все басни про мистические озарения хороши лишь для восторженных дураков из дальних поселений.

– Ты всегда казался немного отступником, так ведь, Харончик... – гаденько захихикал главный курьер. – Ведь именно поэтому три года назад тебя не выбрали главой Круга, хотя твоя кандидатура устраивала многих.

– Ты был как раз среди тех, кого она не устраивала, если мне не изменяет память.

– Память тебя не подводит, Харон!

– Что-нибудь еще?

– Нет, это все!

– В таком случае пошел вон!

Фокс медленно поднялся из-за стола и, понимающе улыбнувшись, направился к выходу из столовой.

* * *

– И когда они только успели... – раздраженно бормотал Харон на обратном пути в свои скромные апартаменты.

Предчувствие, скажем так, очень нехорошее. Мерзопакостное предчувствие. Плотно прикрыв лязгнувшую дверь, которой словно передалось недовольство хозяина, апологет нервно надорвал конверт. На раскрытую ладонь выпала небольшая металлическая бляха с выгравированным двуручным мечом и щитом. На щите имелся символ – древний египетский знак вечности «анх», так называемая «завязка от сандалиии». Члены Круга всегда тяготели к дешевому позерству. Хотя тут уж, скорее, работал верный расчет – поразить воображение быдла. Мистические знаки, щит и меч! Какой-нибудь малокультурный идиот вполне мог клюнуть. Харон понимал, жетон откроет путь во многие форты. Руководство многочисленных поселений знало о существовании Круга и его немаловажной роли в судьбе всего Харькова. Однако находились и те, кто был вполне способен пойти на открытый конфликт с апологетами. Так называемые проблемные форты – коммунисты, мусульмане, азиаты, фашисты. Из них собственный апологет имелся только у первых, но это отдельная и не очень приятная история.

Так, с жетоном разобрались, теперь послание. Большой лист плотной качественной бумаги сложен пополам. Развернув его, Харон увидел

бессмысленную абракадабру маленьких черных букв, отпечатанных на пишущей машинке. Буквы шли бесконечным потоком, без пробелов и знаков препинания. Один из самых примитивных методов шифровки, но по нынешним временам подходил и такой. Апологет взял с полки толстую темно-синюю книгу Маркеса «Осень патриарха». Внутри нашлась точная копия листа с посланием, только вместо букв – маленькие квадратные прорези. Харон аккуратно совместил оба листа. В пустых окошках появились символы. Символы сложились в слова. Апологет принялся внимательно читать, и по мере знакомства с посланием его лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

Худшие опасения подтверждались: он становился разменной пешкой в грязной изощренной игре.

Глава 2

Нападение

Странно, но Данька отчего-то совсем не чувствовал страха. Ну вот ни на сколочко. Может, оттого, что черепа, скалившиеся с повязок захвативших его в плен людей, казались какими-то ненастоящими, напоминая ту книжку про пиратов, которую они когда-то читали с отцом? Как она там называлась, «Остров сокровищ», что ли?

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца...»

По какому-то удивительному совпадению, людей на мотодрезине тоже ровно пятнадцать: десять скованных мальчишек и пятеро бандитов. Причем один из них одноногий. Как хитрый судовой повар Джон Сильвер, оказавшийся потом кровожадным пиратом. И называл он скованных цепью детей по-морскому, «юнгами»: «Ты, юнга! Ну-ка прибири копыта от рычага, а то сейчас врежу, мало не покажется!»

Даньке казалось, что он – Джим Хокинс, попавший на пиратскую шлюпку, направляющуюся к необитаемому острову, где зарыты сундуки с золотом. Поэтому и было не совсем страшно, а как-то даже любопытно. Что же дальше?

Переживал? Это да. Но больше не за себя, а за папу. Куда тот запропастился? Данька точно знал, что отец выжил во время нападения. Даже в странном состоянии, из которого его потом вывело прикосновение жуткого незнакомца в глубоко надвинутом капюшоне (вот когда было страшно, потому как черные пальцы, ощупавшие Данькино лицо, оказались леденяще холодными), он сумел разглядеть, что среди тех несчастных, которых убили работорговцы, его папки нет.

Так где же он? Почему до сих пор не забрал из лап этих бандитов? Наверное, крадется сейчас за ними по пятам, дожидаясь удобного момента. Будто какой-нибудь Следопыт. А потом как нападет, как поубивает всех и освободит Даньку и его товарищей по несчастью. Он это может, он ведь о-го-го какой!

Хоть Музыкант (так его называли взрослые) и не занимал какой-то официальной должности в Холодногорском форте, люди его уважали и часто обращались за помощью и советом. То какой-нибудь спор из-за имущества разрешить, то порекомендовать, какое оружие против того или иного мутанта применять. А то и просто придумать имя новорожденному ребенку. Его не раз просили войти в Совет поселения, но он постоянно отказывался, будто от чего-то очень неприятного и непосильного. Данька сам дивился упорству папки. Ведь и так делает то, что и остальные члены Совета, так почему же не принять должность? Спрашивал пару раз об этом, но Карел морщился, как от зубной боли, и говорил, что когда Даня вырастет, то сам поймет.

Дядя Саша, их комендант, часто говорил, что Музыкант бежит от ответственности. Потому и в Совет не идет, и не женится, хоть мужик он справный и за ним любая баба на край света пойдет. Да только никуда он не бежит! Не зря же отец стал единственным из всех мужчин форта, кто не впал в отчаяние, когда на маленькое поселение обрушилось ужасное несчастье. Едва начали умирать люди, скошенные неизвестной болезнью, Карел взял на себя обязанности коменданта, заменив сраженного мором друга.

Данька содрогнулся, когда перед мысленным взором вдруг встало лицо дяди Саши, обезображенное жутким оскалом и кровоточащими черными язвами. Комендант скончался в страшных муках за один день. Вместе со всем семейством. Особенно жалко Танюшку, Данькину ровесницу и соученицу. Классная девчонка была...

Была.

Какое мерзкое слово. От него веет тоской и безысходностью. Вот и мама у него тоже – была. А он ее даже не помнит. Не то, что папа.

И не женился он не из-за какой-то там «ответственности», а потому, что до сих пор любит маму. И его, Даньку, тоже любит.

Как-то пару лет назад, поддавшись на уговоры дяди Саши, твердившего, что, дескать, отпрыску присмотр нужен, а то совсем от рук отбился, да и самому негоже себя молодым хоронить, Карел попробовал сойтись с одной молодой женщиной. Сначала все шло, вроде бы, хорошо. Наталья заботилась о мужчинах, как положено настоящей хозяйке дома. Однако Дане она почему-то не нравилась. Холодом от нее веяло. И глаза злые-презлые. Даже когда улыбалась. Мальчик молчал, чтобы не огорчать отца, радовавшегося, что и у них все пошло, «как у людей».

Но вскоре Музыкант отправился в рейд. Он частенько уходил куда-то на пару дней, а то и на целую неделю, возвращаясь домой с полным мешком удивительных вещей. Обычно за Данькой во время подобных отлучек отца присматривала тетя Света, жена коменданта. Сейчас же у парня появилась собственная мама, так что надобность в няньке отпала. Хотя это уж как сказать. Потому как не было до этого в жизни мальчугана худших семи дней, чем та неделя. Наталья только и делала, что маялась бездельем да «отдыхала». Проспав целый день, под вечер она куда-то уходила и являлась домой лишь к утру, едва держась на ногах. При этом от нее невыносимо разило спиртным. Угрюмо взглянув на Даню, явно не узнавая его, добиралась до кровати, падала на него и проваливалась в сон. Ее совершенно не интересовало, ел ли что пасынок, чем он занимался. Спасибо тете Свете, почти каждый вечер наведывавшейся к ним, чтобы по привычке узнать, как там соседский ребенок. Она его и подкармливала понемножку. И все выпытывала, как тут новая мамка. Ребенок ничего ей не рассказывал, переживая за отца и думая, что с его возвращением все, может, и наладится. Когда же Карел вернулся, то сам откуда-то узнал обо всем, что творилось в его отсутствие. Ни слова не говоря, вышвырнул из маленькой каморки нехитрые Натальины пожитки и так же молча указал на дверь. Потом посадил сына на колени, взъерошил ему волосы и тихо сказал: «Никто нам с тобой не нужен, правда? Сами как-то жили до этого, проживем и дальше...»

В носу зачесалось, и на глаза сами собой навернулись слезы. Нет, только не хныкать! Он что, девчонка? Мужчинам не пристало распускать нюни. Так учит папка. И сам подает пример.

Разве плакал отец, когда своими собственными руками сбрасывал со стен форта трупы умерших от болезни друзей? Видя, как к ним подбираются проклятые мутанты, оглашающие окрестности голодным воем. Только зубами скрежетал от отчаяния. И продолжал сталкивать все новые и новые полиэтиленовые мешки. Запрещая сыну помогать себе и вообще близко подходить к стенам.

И в день, когда случился прорыв, папка встал во главе колонны выживших поселенцев и повел их сюда, в метро. Понимая, что это смертельно опасно, но не видя иного выхода.

Выныривая из омуты тягостных воспоминаний, мальчик зябко поежился. Тяжелая цепь, сковывавшая шею, зазвенела.

– Эй, мелкий, ты там чего?! – рявкнул одноногий и погрозил кулаком.

Даня скорчился, вжав голову в плечи. У-у, Сильвер несчастный! Дать бы тебе хорошенько по башке. Жаль, руки скованы. Он это умеет. Был лучшим в школе. И пусть она маленькая, всего-то человек на двадцать учеников, но все равно самая настоящая школа. С директором и учителями.

Директором школы был все тот же комендант дядя Саша Мельниченко. Когда-то, еще до Катастрофы, он успел окончить педагогический институт. Понятное дело, что Холодногорских детишек он учил самому необходимому, тому, что требовалось в повседневной жизни. Прежде всего, читать, писать и считать. Это всех без исключения. Потом, классе во втором-третьем, для девочек и мальчиков начинались отдельные уроки.

Первых тетя Света посвящала в премудрости домоводства: стряпанье, рукоделие там всякое. Например, как готовить, из чего готовить, как проверять, не опасен ли продукт, и тому подобное.

У парней была другая программа. Из них делали будущих защитников, обучая, как распознать угрозу нападения и как оборонять форт. Также рассказывали о видах мутаций, способах борьбы с мутантами, о том, как убежать от них. Этим

премудростям учил как раз Данькин отец, Карел по прозвищу Музыкант. Однокашники слушали его с открытыми ртами, удивляясь, откуда он все это знает.

Даня, конечно, гордился таким папкой.

И никому, даже Танюшке, не рассказывал о том, чем они с отцом занимаются вечерами. Чтоб не засмеяли. Ведь Музыкант баловал наследника совершенно «ненужным» в страшном новом мире развлечением.

Пужинав и устроившись на разбитом стареньком сундуке, двое мужчин, взрослый и маленький, читали книги. Разные, какие находил и приносил домой Карел. Больше всего, конечно, Даньке нравились приключенческие. Про пиратов, мушкетеров, отважных воинов и путешественников. Когда новых книжек долго не удавалось достать, особенно зимой – временем, не очень подходящим для рейдов, Карел просто пересказывал сыну то, что когда-то сам читал и запомнил. Рекомендуя и Даньке тренировать память. Это очень важно для хорошего следопыта – сталкера. Мальчик, для которого отцовские советы были непререкаемым законом, послушно упражнялся в запоминании прочитанного. Некоторые книжки упрямо не хотели откладываться в памяти. Особенно такие, в которых говорилось про любовь и прочие глупости. А вот об опасных приключениях и дальних странствиях запоминались значительно лучше.

Такие вот, как та, что лежит сейчас у него за пазухой.

Данька еле удерживался от соблазна достать книгу, которую отец именовал красивым словом «вестерн». Да где тут считаешь? Света мало, да и качает дрезину так, что буквы, как бешеные, будут плясать. А ведь они остановились на таком интересном месте!

Как же там дальше-то?

Мальчик напряг память.

Перед глазами начали всплывать слова, складывающиеся в строчки...

* * *

...Прогнав слишком уж любопытного мальчишку, бегавшего за доктором, Макнейли неспешно прошел на задний двор гостиницы, где уже стояла старательская телега.

Спрыгнув на землю, Морган собственноручно откинул грязный войлок, и в следующую секунду в жаркое июльское небо взмыл рой жужжащих черных мух.

– А, чтоб тебя!.. – выкрикнул шериф, зажимая нос и прибавляя крепкое словцо.

За свою долгую службу он повидал немало, но то, что сейчас лежало в старательской телеге...

– Может, его задрал медведь? – предположил доктор, с профессиональным интересом глядя на искалеченные останки.

– Мы тоже поначалу так подумали, – кивнул Морган. – Только вот среди парней был опытный охотник, и он поклялся, что это кто угодно, но только не медведь...

– Он поклялся... – передразнил шериф. – Много вы понимаете в таких вещах... Фрэнк, что скажешь?

Прикрыв лицо платком, доктор внимательно рассматривал труп.

– Кажется, я его знаю!

– Кого знаешь? – не понял Макнейли.

– Погибшего! – доктор нервно поправил очки. – Смотрите, ведь лицо почти не пострадало...

– Ну да... – буркнул шериф, недовольно косясь на синюю бородатую физиономию. – И кого же ты, Фрэнк, в нем признал, черт тебя побери? Я знаю в городе каждую собаку, но этот мужик мне почему-то незнаком. А ты вот так с ходу заявляешь, что узнаешь его...

– Это бродяга, – закончив осмотр трупа, доктор тщательно протирает платком очки. – Несколько дней назад крутился у салуна Бена Флэтчера. Приставал к прохожим, чтобы купили ему выпить. Братья Каванах здорово его отделали, и мне пришлось зашивать бедолаге голову. Вот смотри, эти швы я наложил всего пару дней назад.

– Значит, не местный, – с облегчением вздохнул Макнейли. – Нужно поскорее закопать его на заброшенном индейском кладбище, пока никто ничего не узнал. А ты, Морган, если распустишь язык, вылетишь из моего города в двадцать четыре часа, как пушечное ядро из мортиры. Это я тебе клятвенно обещаю. Более того, перед этим я хорошенько пересчитаю остатки твоих гнилых зубов...

– Не беспокойтесь, шериф, – гнусно осклабился старатель, – я буду нем, как рыба.

– Возьми себе напарника, но не из болтливых, – распорядился Макнейли, когда растерзанный труп снова накрыли, – и займись этим прямо сейчас. Я бы, конечно, предпочел все проверить ночью, но уж слишком сильный запах, да и мухи эти... кто-то точно заметит. Мальчишка, кажется, что-то заподозрил... Ну да черт с ним... Все, исполняй!

– Будет сделано, шериф! – Морган дурашливо отдал честь, и через несколько минут натужно скрипящая телега уже выезжала с гостиничного двора.

– И что ты обо всем этом думаешь, Фрэнк? – шериф стянул с шеи красный платок и, поморщившись, протер мокрый затылок.

– Ты сильно удивишься, Чед... – доктор снова надел очки и теперь подслеповато щурился, разглядывая предзакатное солнце, медленно погружающееся в верхушки густых елей, растущих на заднем дворе.

– Да ладно, чего уж там, говори... – улыбнулся Макнейли. – Мы ведь с тобой всякое видали...

– Но не такое...

– Что ты имеешь в виду, Фрэнки, дружище? Проблема, как мне кажется, не стоит и выеденного яйца. Через пару часов она будет покоиться на глубине шести футов, и никто никогда о ней больше не вспомнит...

– Боюсь, это только начало, – доктор скорбно поджал тонкие губы.

– Что-то я тебя не совсем понимаю, Фрэнк.

– То был не зверь, Чед. То был человек...

* * *

Все последующие дни у шерифа никак не шел из головы последний разговор с доктором. Чувство тревоги все усиливалось, но, вопреки мрачным ожиданиям, ничего не происходило. Да и как Фрэнк смог определить, что бродягу разорвал на куски именно человек? Никаких вразумительных объяснений док шерифу не дал, поэтому следовало внести в этот вопрос дополнительную ясность.

Наконец, решившись на серьезный разговор, Макнейли направился к Фрэнку, хотя вся эта ситуация ему сильно не нравилась. Доктор, как ни странно, оказался дома, а не на выезде в соседний город, где своего врача не было и куда Фрэнка звали чуть ли не каждый день.

– Эй, Фрэнки! – остановившись у открытого окна, громко прокричал Макнейли, сворачивая самокрутку.

– Привет человеку закона! – улыбнулся вышедший на крыльцо доктор.

– Так что там с этим трупом? – шериф чиркнул о каблук сапога длинную спичку.

– Каким трупом? – удивленно переспросил доктор, задумчиво разглядывая пыльные вихри перед крыльцом.

– Того бродяги!

– Ах, вот ты о чем...

– У меня все никак не идет из головы вся эта история.

– У меня тоже... – нехотя признался док.

– Скажи мне, Фрэнки, почему тебе взбрело в голову, что того несчастного парня убил человек?

– Потому что я уже видел однажды нечто подобное, – ответил доктор. – Те же повреждения тканей, рваные следы от тупых зубов...

– Может, все-таки ошибаешься?

– Нет, Чед, уж больно хорошо я запомнил тот первый случай. Истерзанный труп индейца тоже нашли у реки, но случилось то очень давно и далеко от этого места.

– Похоже, у нас большие неприятности, – скривился Макнейли, давя сапогом агонизирующий окурок.

* * *

Предчувствие и на этот раз не обмануло шерифа. Когда в офис ворвался бледный, как стена, почтальон, Макнейли понял, случилась беда.

– Дом Барретов... – хрипло выкрикнул парень, жадно прикладываясь к кувшину с водой, стоящему на облупленном сейфе.

– Тот, что на самом отшибе? – шериф резко встал из-за стола, застегивая на ходу пояс с кобурой.

– Он самый! – почтальон вытер тыльной стороной руки перекошенный рот. – Все мертвы!

– Откуда знаешь?

– Я должен был отнести им письмо, а там... кровь на окнах и мухи... целый рой мух... Мэри... младшенькая... ну, помнишь такую с рыжими косичками...

– Да-да, помню-помню...

– Лежит на самом пороге, ее всю... нет, я не могу... ты сам должен на это посмотреть...

– Проклятье! – Макнейли выскочил на улицу, бросив через плечо: – Немедленно разыщи доктора.

Седлая коня, он поспешно затянул подпругу. А ведь сколько раз уговаривал Эшли переселиться поближе к городу. Ведь так намного надежней и безопасней, но чертов техасский упрямец игнорировал все его просьбы. И впрямь эти тexasцы немного сдвинутые, упертые, словно бараны. Даже когда индейцы пытались изнасиловать его старшую дочь, чертов Баррет не захотел переезжать. И вот теперь они все мертвы.

* * *

Макнейли спешил. Не обязательно заходить в дом, дабы понять – все действительно мертвы. Судя по телу, лежащему на крыльце, здесь вновь орудовал тот же зверь. Или человек? Черт бы побрал этого дока с его дурацкими предположениями! Теперь возникшую проблему так просто не скроешь. Это вам не какой-то там безродный бродяга. Жестоко растерзана целая семья. Отныне шерифу придется рыть носом землю, но найти эту мразь. Ну почему, почему это произошло именно в его городе, а не, к примеру, в соседнем? Кого он прогневал там, на небесах, что теперь на старости лет вынужден в одиночку разбираться со всем этим дерьмом? За что?

Макнейли медленно обошел дом Барретов. Конечно, маловероятно, что зверь бродит где-то поблизости, но проверить все же стоило.

В любом случае в дом он войдет только после того, как приедет доктор. Хватит с него. В прошлый раз уже насмотрелся, да так, что неделю в горло кусок не лез.

«Сжечь бы все к чертовой матери и концы в воду», – грустно подумал шериф, понимая, что решить проблему подобным образом невозможно. Живой свидетель не позволял. С почтальоном так просто не договоришься: ни угрозы, ни уговоры не помогут, уж больно напуган и уже наверняка раструбил на весь город. Эх, знать бы заранее, что так все повернется...

Впрочем, это было только начало...

* * *

– Эй, юнга! Ты что там, заснул?! – донесся словно издалека насмешливый голос.

Данька непонимающе захлопал глазами.

Где он? Что происходит?

Поймав на себе насмешливый взгляд одноногого бандита, мальчик насупился.

«Вот же гад! На самом интересном месте!»

– Смотри, а то свалишься! Крысам на угощение!

Довольный шуткой, «Сильвер» хрипло захохотал.

«Вот же дурак, – пожал плечами Даня. – Как тут свалишься, если прикован к десятку таких же, как он сам?»

Скосив глаза, ребенок глянул на ближайшего товарища по несчастью и скривился. Это был Гарик, мальчишка из их форта. Данька его не любил. И из-за того, что внешне тот походил на крысу – такой же остроухий и остроносый, с желтыми злыми глазами и жидкими волосенками, напоминающими шерсть грызуна (разве только хвоста не было). И потому, что от него вечно воняло каким-то особенно едким потом (за то и прозвище получил соответствующее – Вонючка). Но больше всего оттого, что Гарик считал его главным соперником в отношениях с Танюшкой и постоянно задирал. Был на два года старше и на голову выше, но это не давало ему никакого преимущества: из стычек с

Вонючкой Данька неизменно выходил победителем.

Надо же! Быть скованным одной цепью со своим злейшим врагом. Хотя какой он теперь враг? Где их Холодногорский? Где школа? И Танюшки тоже нет...

– Дань, а Дань, – зашептал ему в самое ухо Гарик. – Как думаешь, куда они нас везут?

– Откуда ж я знаю? – попытался отодвинуться Данька, потому что гадко пахнуть товарищ по несчастью не перестал, и казалось, что мерзкий запах даже усилился.

От ужаса, что ли? Говорят, страх как-то по-особому разит. Наверное, правда.

– Ну-ка, щенки, не переговариваться! – замахнулся кнутом один из рейдеров, но одноногий перехватил его руку.

– Ты че, дебил, руками тут машешь? – злобно прошипел «Сильвер». – Товар испортить хочешь? Не видишь, какой симпатяга? На невольничьем рынке за такого нам столько деньжищ отвалят... Правда, мелкий? – кивнул он Даньке. Тот заскрежетал зубами и потупился.

Как же он ненавидел свою по-девчоночьи смазливую рожу. Овальную (как говорили взрослые: «правильный овал лица»), с пухлыми красными губами, тонкими бровями и большими голубыми глазами. И эти пушистые волосы цвета соломы.

Разве настоящий мужчина должен быть красавчиком?!

Хотя вон Пустынный Лис тоже, кажется, не урод. Как там?..

* * *

На въезде в город Джейк Корд по прозвищу Пустынный Лис слегка придержал пегую лошадь, чтобы хорошенько разглядеть перекошенный, изъеденный песком и вездесущими жучками указатель. Да, он не ошибся, перед ним тот

самый город, который он давно искал. Начало долгого изнурительного пути, в конце которого ждет такая далекая и такая желанная награда.

Местные жители смотрели на незнакомого всадника не то чтобы враждебно, но с нескрываемым подозрением. Чужаков здесь явно не любили. Впрочем, это хроническая болезнь всех маленьких городков Дикого Запада.

Джейк был крупный, широкоплечий, хорошо сложенный мужчина, весом в двести фунтов при росте шесть футов и один дюйм. Большую часть времени он проводил в седле, поэтому держался прямо и не казался тяжеловесным, несмотря на значительный вес. Во всех движениях чувствовалась спокойная уверенность человека, не привыкшего чего-либо бояться. О таких парнях часто говорили, что их внешний вид вызывающий. Подобные ребята – первые кандидаты нарваться на каких-нибудь слишком уверенных в себе отморожков.

Длинные черные волосы, подбородок покрыт жесткой щетиной. Большинство женщин считало Пустынного Лиса симпатичным, а некоторые и вовсе готовы были назвать его «красавчиком», вот только холодные, будто заточенное лезвие, голубые глаза несколько портили общее впечатление. Такой взгляд мог принадлежать... нет... даже не убийце, а, скорее всего, безжалостному жестокому палачу. Корд повидал многие города по обе стороны мексиканской границы. Он достаточно побродяжничал по белу свету и в последние годы здорово устал от этого.

Редхилл оказался обычным ковбойским городком: двойной ряд побитых непогодой каменных и бревенчатых домов, украшенных декоративными фасадами, большая часть которых никогда не знала покраски. Двухэтажная гостиница и приземистое каменное здание с выгоревшей на солнце вывеской «Банк Редхилл». На улице две тележки и фургон на рессорах, у коновязи привязано с дюжину верховых лошадей. Вывеска на доме, расположенном наискосок от почтовой станции, извещала, что тут находится салун «Олдбридж».

– К кому-то в гости или проездом?

Пустынный Лис натянул поводья, останавливая лошадь. Человек, бесцеремонно обратившийся к нему, внимательно рассматривал ореховую рукоять кольца сорок пятого калибра на правом бедре незнакомца.

По блестящей звезде на груди Корд определил в разговорчивом местном жителе городского шерифа.

– По делу! – коротко ответил Джейк, в свою очередь хорошенько изучая человека закона.

Шериф не молод. Опытный и опасный противник, это Корд определил сразу. Просто так за словом в карман не полезет. Если что-то спрашивает, то лучше отвечать сразу и без заминки. Наверняка убил много людей и город держит в строгости. В кобуре Смит-и-Вессон тридцать восьмого калибра. Старенький, но определенно отлично пристрелянный, оружие профессионала.

– В нашем городе не разрешено носить оружие, – спокойным тоном проговорил шериф, нарочито небрежно скручивая сигарету.

– Для меня вы сделаете исключение, – усмехнулся Пустынный Лис.

– А можно поинтересоваться почему, мистер? Быть может, вы какая-то очень важная особа? Повторяю, в этом городе носить оружие может только один человек, и вы видите его сейчас перед собой. Это старое доброе правило, которое, насколько я помню, еще ни разу не нарушалось на протяжении целых десяти лет. Можете спросить несогласных, их могилы на местном кладбище.

«А этот шериф, оказывается, большой шутник, – весело подумал Корд. – Просто ходячий кладезь черного юмора».

– Я не могу расстаться с оружием по одной важной причине... – Джейк источал искреннюю доброжелательность, однако то, что шериф небрежно расстегнул кобуру, от его взгляда, конечно, не ускользнуло.

– И какая же это причина, мистер?

– Я приехал убить зверя!

Невозмутимое лицо шерифа все-таки дрогнуло.

– Откуда ты знаешь?

– Я давно охочусь за ним.

– Почему я должен тебе верить?

– Зверь убивает людей. Кажется, у вас уже погибло четверо.

– Шестеро.

– Значит, уже шестеро! Что ж, мне очень жаль, но если не принять срочные меры, то смертей будет намного больше...

– Черт возьми... – шериф нервно застегнул кобуру. – Если ты действительно знаешь, о чем говоришь, то ты появился очень вовремя... Напротив салуна мой офис – улица не место для таких разговоров.

Пустынный Лис коротко кивнул, направив скакуна к неказистому одноэтажному домику с решетками на окнах...

* * *

– Эй, там, мужики! – заорал одноногий, видно бывший на «детской» дрезине за старшего. – Притормозите чуток!

Двигавшаяся впереди мотодрезина с пленными женщинами пошла медленнее.

– Чего вам?! – отозвались оттуда.

– Фигня какая-то! – рявкнул головорез. – Куда сопровождение запропастилось? Где этот чертов Толкач?

– Да кто его знает! Это же вы сзади едете. Попробуйте-ка им посигналить.

Ослепив несчастных детишек, луч мощного прожектора развернулся в противоположную сторону, разрывая тьму, царящую в оставшемся позади туннеле.

Ничего. Только ржавые рельсы да потемневшие от просачивающейся сверху воды бетонные тубинги. Свет спугнул стайку крыс, деловито копошившихся у бесформенной кучи мусора. С пронзительным писком грызуны кинулись врассыпную, забиваясь в одним им ведомые щели и схроны. Даньку передернуло от отвращения. Он с детства терпеть не мог этих мерзких тварей. Стоявший у прожектора рейдер проделывал какие-то загадочные манипуляции, то прикрывая луч света большим листом фанеры, то снова убирая его. Сигналил, наверное.

Туннель не отвечал.

– Что делать будем?! – гаркнул «Сильвер», справляясь у кого-то.

Наверное, предводитель работорговцев находился там, на «женской» дрезине.

– Ждать бессмысленно, – ответили спереди. – Да и опасно. У нас товар, спешить надо! Если что, сами доберутся.

Тот рейдер, который хотел ударить Даньку кнутом, ткнул парня палкой в грудь и с издевкой поинтересовался:

– Как, милашка, еще не нагадил в штаны?

Мальчуган только поиграл желваками, с ненавистью глядя в скрытое черным платком лицо. Ах, если бы можно было убивать взглядом! Он бы давно уже оказался на свободе.

– Я тебе говорю, отлипни от мелкого! – погрозил напарнику кулаком одноногий. – Не про твою честь товар!

И бандит снова продолжил переговоры с идущей впереди дрезиной. Речь, как понял Даня, шла о дальнейшем маршруте.

– Поворачиваем в боковой туннель, – распорядился «Сильвер», закончив своеобразное совещание с руководством. – Обойдем Центральный Рынок. Не хрен туда лишний раз соваться. Эта гребаная ментальная чертовщина... Не хватало еще сбрендить.

– Ага, – поддержал рейдер с кнутом. – Я слышал от Пегого, что там творится, так две ночи потом нормально спать не мог. Вроде, на станции призраки обитают, и все такое.

– Не болтай! – одернул приятеля одноногий. – Еще не дай бог накличешь...

* * *

Боковой туннель оказался гораздо у?же того, по которому они ехали прежде. На стенах отсутствовали привычные толстые черные провода, а потолок нависал чуть ли не над самыми головами расположившихся на дрезине людей. Зато то здесь, то там виднелись многочисленные ниши и щели. Выглядевшие, надо сказать, весьма зловеще.

Даньке все время казалось, что из этих самых дыр на него кто-то внимательно смотрит. Некто очень враждебный и чужой. Явно не человек. Не может быть у людей столь давящего взгляда. Удивительно, что больше никто этого не замечал. Работоторговцы переговаривались между собой как ни в чем не бывало. Мальчишки, видимо, тоже ничего не чувствовали. Гарик вон даже носом клевать начал. Нашел время спать, дурень! Впрочем, расслабился не только он. Прикованный к Гарику шкет, совсем малой, лет пяти или шести, уже дрых, сопя в обе ноздри.

Внезапно Даню накрыла темная волна. Глаза перестали видеть, горло будто стиснули железные руки. Он едва сдержался, чтобы не завопить от страха. Сердце бешено колотилось, норовя выпрыгнуть из груди.

Что же это такое, в конце-то концов?

Ух, вроде отпустило! Хотя мальчик чувствовал, что страх никуда не ушел, а только притаился, готовый в любую минуту снова выскочить из засады.

Идущая впереди мотодрезина куда-то пропала. Видимо, снова повернула. Поскорее бы выбраться из этого жуткого туннеля.

Ага, выбрались! Снова пошел обычный, со змеящимися черными проводами и ржавым мхом на стенах.

По встревоженным репликам рейдеров мальчик понял: они приближаются к Советской. Которую неплохо бы тоже побыстрее проскочить, чтобы не нарваться на патрули Торговой Конфедерации, работоторговцев не очень-то жалующие, хотя наверху и располагался крупнейший невольничий рынок, начинающий работу ближе к апрелю. Иначе можно огрести кучу неприятностей. Лучше не нарываться. Тихо, мирно разойтись, как в море корабли.

Эту последнюю, не очень понятную фразу произнес все тот же «Сильвер». Может, в далеком прошлом он и впрямь был моряком и даже потерял ногу в одном из кровавых абордажных боев? Хотя какое море в Харькове? Одни только реки.

– А-а-а!!! – вырвался из горла Даньки дикий крик.

Снова нахлынуло это. И сопротивляться уже не было никакой мочи.

– Ты чё вопишь, сучонок?! – тут же набросился на него рейдер с кнутом.

Резкий удар больно обжег плечи, неожиданно приводя в чувство. В голове прояснилось.

– Ублюдок малолетний, решил нас всех под пули подвести?! – орал рейдер, снова занося бич над Данькиной головой.

Одноногий, с силой вырвав у напарника кнут, в сердцах разломал его о колено.

– Просил же тебя не портить товар! – грозно надвинулся он на Даниного обидчика. – А если бы глаз, не дай бог, выбил или еще чего?

– Да я... А чё он?..

Договорить работоторговцы не успели: со стороны Советской донеслись звуки автоматной пальбы. Нервной, то приближающейся, то снова удаляющейся.

– Что за..? – всполошился «Сильвер».

Ему никто не ответил, потому что стрельбу перекрыл другой звук. Это был вой. Протяжный и пронзительный, бьющий по барабанным перепонкам и заставляющий поневоле искать место, где можно надежно спрятаться.

– М-мутанты, м-мать их!.. – заикаясь, выкрикнул одноногий.

И без него понятно. Так могли вопить только мутанты во время гона. Данька не раз слышал подобные звуки у стен Холодногорского форта. И всегда обитателям маленького поселения удавалось выстоять. До последнего раза, заставившего население Четвертого форта покинуть обжитое место и бежать под землю, где царил самый настоящий ад.

Между тем рев, похожий то ли на хохот, то ли на рыдания, приблизился вплотную к тому месту, где остановились дрезины рейдеров.

Вслед за звуками из туннеля полилась темная масса. Волной накатила на первую дрезину, перевернула ее и на некоторое время задержалась возле металлической тележки. Послышались душераздирающие звуки, на некоторое время заглушившие жуткий вой. Обезумевшие твари не разбирая рвали на куски женщин и безуспешно пытавшихся отстреливаться охранников.

– Помогите! Пом...

– Черт! – спохватился «Сильвер». – Огнеметы, огнеметы, мать вашу, пускайте! Поджарьте этих тварей!

Двое рейдеров с тяжелыми металлическими ранцами за плечами одновременно нажали на спусковые скобы. Из раструбов огнеметов полилось жидкое пламя, затопляя копошащихся вокруг опрокинутой дрезины страшных созданий, высвеченных огнем и светом прожекторов.

Увидев то, что творится впереди, Данька содрогнулся. Так близко с мутантами ему сталкиваться еще не приходилось. Обычно мальчик видел их с высоты стен форта, да и то нечасто, когда случались особенно массовые прорывы и детям доводилось помогать взрослым отбивать атаки, поднося боеприпасы, камни или

черпаки с кипящей смолой. А так разве что на картинках, которые специально рисовал для своих учеников Музыкант, преподававший безопасность жизнедеятельности. Дескать, вот «менгиры», вот «трехглазые», вот «всадники», состоящие сразу из двух опасных существ, находящихся в неразрывном симбиозе друг с другом.

Сбившись в кучу, твари отчаянно визжали, прикрывая глаза когтистыми лапами. Верно, не привыкли к столь яркому свету.

Струи огня жалили прямо в самую гущу уродливых существ, превращая визжащих мутантов в живые факелы. Воняло горелым мясом. Люди на «детской» дрезине закашлялись, рейдеры поспешно натянули респираторы. Мерзкий запах проникал внутрь, вызывая рвотные позывы. Если бы Даня поужинал перед тем, как попасть в плен, то наверняка бы не удержался. Но желудок пуст. А вот Вонючка весь облевался, отчего стал пахнуть еще сквернее, чем обычно. Захотелось столкнуть его с дрезины.

Несколько пылающих монстров бросились назад, в сторону Советской. Остальные, обезумев от боли, поперли на дрезину с детьми. Работоторговцы встретили тварей автоматными очередями, не дав добраться до мототележки. Оставшиеся в живых мутанты опасливо затаились за перегородившей туннель перевернутой дрезиной, выжидая, не последует ли нового шквала испепеляющего огня. И тут со стороны заброшенной Советской опять застрекотали автоматы. Вероятно, патрульные Торговой Конфедерации (или кто там обнаружил мутантов?) столкнулись с отступившими монстрами.

И все же, видя, что огонь больше не лижет дымящиеся тубинги туннелей, а защитников мотодрезины стало гораздо меньше, мутанты осмелели и медленно подались вперед. Их оказалось много, больше двух десятков.

– Жгите ублюдков! – гаркнул на огнеметчиков «Сильвер».

Но горючей смеси больше не было, баллоны в заплечных ранцах опустели.

– Бежим! – первым спрыгнул с дрезины рейдер, лишившийся кнута.

За ним соскочили остальные работоторговцы.

– Снимите с нас цепи! – взмолился Данька. – Мы же здесь все подохнем!

– Ну и хер с вами, – осклабился его обидчик. – Попортят тебе твари рожу, будешь таким же красивым, как они.

– Сними цепи, Карбид! – приказал одноногий, швыряя ключи. – Товар есть товар. Пусть прячутся. Авось, кто выживет, потом соберем.

Грязно матерясь, рейдер отомкнул замки. Освободившиеся от оков дети спрыгнули на рельсы.

– Бегите в обходной туннель, – посоветовал «Сильвер». – Там есть, где спрятаться.

И сам заковылял в том направлении, то и дело оборачиваясь.

Воющая толпа мутантов неотвратно приближалась.

* * *

Даньке не очень хотелось вновь оказаться в напугавшем его туннеле, но делать нечего. Попасть в лапы мерзких созданий наверняка еще хуже. Потому он изо всех сил рванул вперед, обгоняя рейдеров, нервно поливающих окончательно осмелевших тварей свинцовым дождем.

Бежать пришлось в пугающем сумраке. Хорошо хоть, сюда доставал свет прожектора с перевернутой дрезины. Можно хоть что-то рассмотреть. Но на более удаленное расстояние этого освещения точно не хватит. И что тогда?

Видимо, надо искать убежище прямо здесь. Неподалеку от места кровавой битвы. Наверняка разгоряченные боем мутанты, боясь преследователей, гнавших их прямо с Советской, не станут шарить по щелям и дырам в поисках жертвы. Не до того им сейчас.

Данька принялся лихорадочно оглядывать стены. Где же эти самые щели? Ведь их много попадалось по пути. Угу, вот одна. Вроде, подходящая. Еще и

прикрытая решеткой из ржавых прутьев. Мальчик дернул ее пару раз, и прутья поддались, выскочив из гнезд в раскрошившемся цементе. Надо потом поставить на место, как было. Чтобы никто не заподозрил, что за решеткой кто-то прячется.

Данька уже наполовину скрылся в отверстии, как вдруг кто-то ухватил его за ногу и потащил назад. Мальчик упал, лихорадочно шаря по полу в надежде за что-нибудь зацепиться и до крови обдирая ладони. При этом он отчаянно брыкался, в надежде что нападающий ослабит хватку. Как бы не так! Он только еще сильнее тянуть начал. И выволок-таки Даню обратно в туннель.

В последний момент рука наткнулась на что-то металлическое. Судорожно ухватившись за звякнувшую железяку, мальчик потянул ее на себя и, не долго думая, ткнул найденным оружием назад, не видя, куда и в кого бьет. А не все ли равно, кто там? Лишь бы освободиться.

Понял, что попал, по ослабшей хватке и яростному вою. Жутко похожему на тот, который оглашал недавно стены большого туннеля.

Сгруппировавшись, ребенок вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с одной из подземных тварей. Истошно вопя, она трясла в воздухе окровавленной лапой, пробитой насквозь. Предметом, стискиваемым мальчиком в руках, оказался длинный металлический штырь.

Разъяренный мутант протянул к Дане вторую лапу – трехпалую, покрытую, такими же, как и на морде, гнойными струпьями. Острые длинные когти щелкнули у самого носа, едва не оцарапав его. Мальчик отшатнулся и, набравшись духу, ударил оружием прямо в голову чудища. Штырь с чавканьем вошел в правый глаз мутанта. Тот дернулся, схватился за торчащий из глазницы прут и завертелся волчком на месте. Потом свалился на шпалы, ударившись головой о ржавый рельс. С широко раскрытыми глазами Данька смотрел на первое собственноручно убитое живое существо и не верил в происходящее.

Раздававшаяся неподалеку автоматная очередь и очередной визг-вой немного привели в чувство. Шатаясь, ребенок забрался в облюбованную щель, не забыв прикрыть вход решеткой. Оказавшись в тесном замкнутом пространстве, на полу которого грудой лежали такие же металлические прутья, как и его недавнее оружие, Данька опустил на четвереньки, и его все-таки вырвало. Не остатками

пищи, которой в желудке не было, а желчью. Горькой и соленой. Спазмы сотрясали тело, выдавливая новые и новые порции желчи. Потом началась истерика. Слезы лились ручьем.

И только потом пришло желанное забытие...

* * *

Сколько он находился в отключке, Данька не знал. В чувство его привело легкое похлопывание по щекам и струйка холодной воды, пролившаяся на пересохшие губы.

Мальчик открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света фонаря, бившего в лицо.

– Живой! – раздался чей-то хриплый голос.

Незнакомый.

И вслед за ним послышался другой, уже не раз слышанный Даней.

– А что ему сделается, Семен Степанович? Он крысенок живучий!

Никогда до этого он так не радовался голосу Гарика Вонючки. Даже заплакал.

– Ну, не реви, ты же уже вон какой большой. – На плечо легла тяжелая большая рука. – Опасность миновала. Ты среди друзей. У меня с собой запасные респираторы. Поднимайся, заглянешь к нам в гости. Ты ведь еще не был в форте рядом с Советской?..

Глава 3

Санитары нового мира

В каждом из нас живет персональный маленький монстр. Дремлющий хищник, способный однажды вырваться на пьянящую свободу. Кто-то способен держать этого зверя на короткой цепи, а кто-то не в силах противиться его животному зову. В каждом человеке обитает зло. Эхо дикого мира, наследие кучи смердящего дерьма, из которой однажды все мы вышли. Забавный парадокс: человеку дана уникальная нервная система, которой абсолютно не соответствует примитивная белковая оболочка. Миллионы лет эволюции не смогли выскоблить всю ту дрянь, которую мы получили в наследство от передвигающихся на четырех ногах предков. Примитивная дикость пошла на конфликт с совершенным интеллектом. Механизм начал давать регулярный сбой. Так рождались настоящие монстры в человеческом обличье.

Полуживотные-полулюди. Они умели хорошо маскироваться среди собратьев. Их защищал обостренный инстинкт самосохранения. Овечья шкура прятала чудовищную истинную натуру. Монстры насиловали, убивали, творили зло. Рано или поздно их находили и уничтожали, как бешеных псов. Война длилась бесконечно. Она длится и по сей день. Вслед за старыми вырожденками приходили новые. Что происходило в их страшных мозгах, никто не знал, они не поддавались ни лечению, ни изучению. Высоколобые теории о трудном детстве и пережитом в раннем возрасте сексуальном насилии не стоили выеденного яйца. Потому что монстром невозможно стать, им можно только родиться. Эволюция заранее предусмотрела их появление, в ее уникальной программе записаны даже ошибки, которые должны время от времени нарушать работу всего механизма. И самое страшное, что творимое монстрами зло бессмысленно, оно не имеет цели. Зло ради зла. То, что невозможно объяснить нормальному цивилизованному человеку.

* * *

– Как они могут требовать от меня такое? – вслух спросил себя Харон, сжигая послание Круга в маленькой керамической пепельнице.

Сон (или все-таки видение?) который он пережил недавно, видели все апологеты. Они посчитали его архиважным, ведь неспроста у каждого этот сон одинаков. Понять глубинный смысл смог только глава Круга. Трактровка выглядела совершенно безумной: сидевший у костра на Южном Вокзале ребенок должен умереть. Причина не объяснялась. Именно Харону отводилась роль палача... ну, почти палача, ибо убивать все-таки будут другие. Он же обязан найти мальчика, и чем скорее он это сделает, тем лучше. В лицо ребенка знают только апологеты, значит, один из них обязан отправиться на поиски. Для этой

миссии глава Круга выбрал Харона. Почему именно его? Ответ – Тринадцатый форт одно из самых боеспособных и благополучных поселений Харькова. Если он на время лишится присутствия апологета, то ничего страшного не произойдет. У военных достаточно сил, чтобы сдержать натиск мутантов, если те, почуяв возникшую брешь, вздумают напасть со стороны ближайшей «аномальной зоны», парка «Зеленый Гай». А ведь они и впрямь могут почуять. В прочих поселениях, где обитают члены Круга, ситуация не настолько обнадеживающая. Даже кратковременное отсутствие апологета может привести к весьма плачевным последствиям. Харону элементарно не повезло с местом благополучной прописки, и поэтому выбор пал на него.

В послании указано, что мальчишек нужного возраста где-то около тысячи. Информация, конечно, неточная. Провести подробную перепись не по силам даже вездесущим агентам Круга. Огромная армия разведчиков будет помогать Харону. Им известен только возраст и пол цели. Связь с агентами – через наемника по кличке Фишер, главу разветвленной шпионской сети. Фишер уже ждал Харона на железнодорожной станции Лосево, он же, если верить посланию, и должен уничтожить опознанного мальчишку.

Сидя на старой перекошенной табуретке в углу нелепой фанерной комнаты, Харон опустошенно разглядывал затертый линолеум на полу.

– Почти Достоевский, – апологет уныло усмехнулся, вспомнив набившую оскомину фразу о слезе ребенка.

Бессмысленная красивость. В реальной жизни все куда грязнее.

А в том мире, который медленно агонизировал вокруг, эта слеза вообще ничего не стоит, потому что человек перестал быть человеком, превратившись в загнанного, обезумевшего, издыхающего зверя.

* * *

– Значит, уходишь, – полковник Глеб Шмелев задумчиво крутил в руках блестящий жетон наивысшего допуска. – Что и говорить, сюрприз из сюрпризов.

Харон молчал, апатично изучая интерьер жилища главы Тринадцатого форта. А посмотреть тут было на что. Шмелев слыл заядлым коллекционером всего, что связано с уничтожением живой силы противника. Чего только стоила уникальная коллекция огнестрельного оружия, выставленная в старом, чудом сохранившем стеклянные дверцы шкафу. Австрийский девятимиллиметровый «Глок» Р-80, немецкий полицейский «Вальтер» Р-99 под патрон 45 АСР, израильский «Дезерт Игл», зловещего вида итальянская «Беретта» 93R, русская тупоносая «Багира» МР-444, спецназовский американский «Ругер» и еще пара стволов, названия которых апологет не знал.

– Что за дела у тебя появились за пределами форта, понятное дело, не скажешь, – вслух размышлял полковник, медленно прохаживаясь по комнате. – Эх, не знала баба клопоту, купила поросю...

Жил лидер группировки «Лимб» в двухэтажном служебном помещении бывшего супермаркета, создававшим иллюзию полноценной квартиры. Жена Шмелева, молодая симпатичная женщина, выкупленная десять лет назад у рейдеров, отвлекала в соседней комнате возбужденно повизгивающих детей, чтобы те не мешали разговору взрослых.

Шмелев – почти ровесник Харона, грузный, полноватый мужчина с суровым упрямым лицом. К нему давно приклеилась странная на первый взгляд кличка «Человек нет». Но тот, кто знал полковника ближе, хорошо понимал, о чем идет речь. Шмелев – человек слова, если один раз что-то решил, то это навсегда. Но другим он и не мог быть. Командовать «Лимбом» способен только человек незаурядный. Группировка всегда активно сотрудничала с Кругом, однако напрямую ему не подчинялась. Цель военных – безопасность жилых районов города, а поскольку апологеты напрямую связаны с этой безопасностью, значит, «Лимб» должен действовать в интересах Круга. Военные следили за балансом всех прочих сил, беспокоясь о том, чтобы харьковские поселения не погрузились в хаос анархии и постоянных междоусобных войн. Время от времени «Лимб» наносил по отдельным фортам болезненные точечные удары, смещая местное, казавшееся опасным для всего города руководство. К счастью, такое случалось нечасто, и тем не менее, именно за это «Лимб» не любили. Однако выступить открыто против хорошо организованной и отлично экипированной группировки не решались даже не уступающие им по военной мощи фашисты и коммунисты.

Встав со старого продавленного дивана, Харон подошел к забранному решеткой окну, выходившему на улицу. Солнцезащитные ставни оказались подняты,

снаружи царило пасмурное февральское утро. Отсюда была хорошо видна оборонительная линия форта, сделанная из толстых спиралей натянутой между высокими столбами колючей проволоки, через которую по ночам пропусклось высоковольтное электричество. Деревянные сторожевые вышки каждые десять метров. Черные стволы крупнокалиберных пулеметов уныло смотрят на лежащий в руинах город. Вдалеке, среди заснеженных руин, виднелось почти полностью сохранившееся здание одной из харьковских больниц, за которым испуганным стадом теснились ржавые коробки гаражей.

За колючей проволокой в горе припорошенного снегом мусора копошились какие-то мелкие твари. Апологет присмотрелся, разглядев среди грязных рваных тряпок обглоданный человеческий труп.

– Сколько лет ты не был в городе? – неожиданно спросил полковник, возвращая Харону жетон.

– Семь. Ты же знаешь, я дал обет не покидать форт. Так захотел глава Круга. Он по-прежнему видит во мне опасного конкурента, но я уже далеко не тот, что был когда-то.

– Много изменилось за это время. Люди стали другими, да и политическая карта Харькова теперь иная. Ну, не везде, конечно, но кое-что поменялось.

– Разберусь по ходу.

– Какой-то ты уж больно мрачный.

– Меланхолия – мое жизненное кредо.

– Да нет, Глеб, я ведь тебя хорошо знаю. Видно, не по душе тебе то, что предстоит сделать. Или я ошибаюсь?

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда.

– Ты это в какой-нибудь шибко умной книжке прочел?

– Нет, жизнь подсказала.

– Ну-ну...

Шмелев грустно вздохнул:

– Ну, вот скажи мне, как я тебя отпущу? Ведь там, за стеной форта, потепление, февраль подходит к концу, у местных тварей грядет «весеннее обострение». А ведь многие из них способны чувствовать присутствие апологетов. Поймут, сучары, что мы без прикрытия остались, и как полезут со стороны «Зеленого Гая». Там такое водится, не приведи господь лицом к лицу когда-нибудь столкнуться.

– Ты решил пойти на конфликт с Кругом?

– Да насрать мне на твой Круг! – полковник остановился у оружейного шкафа, любовно глядя на длинноствольный израильский «Дезерт Игл». – Мне о поселении нужно беспокоиться. У меня на попечении сорок молодых семей, детишек вон девать уже некуда, думаем детский садик организовать. И ты в такой момент заявляешь, что должен уйти.

– Значит, не отпустишь? – Харон нехорошо прищурился.

Полковник обернулся, напоминая обиженного лесного медведя из детской сказки, у которого неведомые злодеи украли бочонок ароматного меда.

– Ножом ты меня режешь, Глеб, прямо по горлу, – Шмелев с укоризной глядел на апологета. – Мне ведь военное положение придется ввести на время твоего отсутствия. А что будет, если ты не вернешься?

– Я вернусь!

– Круг не предоставит замену.

– Я вернусь!

– Хорошо! – полковник, наконец, принял решение. – Я тебя отпускаю. Возьмешь моих лучших бойцов, человек пять, не больше, я прямо сейчас отдам распоряжение...

– Нет!

Густые брови Шмелева недоуменно поползли на лоб.

– Никто не должен заподозрить во мне апологета, – быстро пояснил Харон. – Вооруженное сопровождение только вызовет лишнее подозрение.

– Но ведь под открытым небом ты беззащитен от тварей!

– Значит, буду держаться людских поселений.

– А что, если тебя какой-нибудь отморозок ножом пырнет? Просто так, из любопытства? Или потому, что ему твоя кожаная куртка понравилась?

– С отморозками я как-нибудь сам разберусь.

– Безумие! – полковник нервно ходил по комнате. – Я, наверное, окончательно сошел с ума, раз отпускаю тебя!

– Я тоже слегка не в себе, – усмехнулся Харон. – Мне предстоит сделать то, на что не согласился бы ни один нормальный человек.

– Ты член Круга, у вас свои законы и правила.

– Нет, я всего лишь еще одна его марионетка, – спокойно ответил апологет.

* * *

Много времени на сборы не ушло. Харон с тоскою осмотрел убогое убранство родного жилища. Возможно, он никогда больше сюда не вернется. Страшное слово «никогда», слово, от которого за версту веет могильным холодом. Как же просто перечеркнуть прошлую жизнь, отсесть одним ударом, словно никчемный,

давно атрофировавшийся орган.

Под старую «косуху» из толстой кожи апологет надел черный балахон с латинской надписью *Nokturnal Mortum*. В этой одежде он когда-то спустился в метро на станцию Проспект Гагарина. Он запомнил только абсолютно черное небо, притом что вокруг было ясно как днем. На асфальте корчились человеческие тела, а он бежал, перепрыгивая через отвратительно пахнущие обуглившиеся трупы, и все удивлялся, что небо черное, а вокруг светло.

Разумеется, он заберет с собой CD-плеер. Плеер самое ценное, что у него есть. Батарейки стоят уйму патронов, но их при определенной удаче по-прежнему можно найти. В металлическом сундуке под зеркалом Харон нашел маленький кляссер для дисков. Больше двух десятков CD в него не войдет, но ему столько как раз и нужно. Он заберет с собой только лучшее из музыкальной коллекции. Первые десять дисков не вызывали сомнений, апологет без колебаний извлек их из пластиковых коробок, бережно вставив в целлофановые карманчики. Со вторым десятком пришлось повозиться. Наконец он остановил выбор на нескольких альбомах суровых шведов «Evergrey», добавив к ним культовых англичан «Anathema» и сумрачных финнов «Swallow The Sun». Теперь, кажется, все.

В свое время Харон потрепал нервы нескольким работающим на Шмелева вольным сталкерам, заставляя их подробно исследовать руины в окрестностях станции метро Советская. Там, на площади Конституции, в так называемом «Дворце Труда», до Катастрофы располагался маленький, известный только истинным меломанам музыкальный магазин «Коловорот». В магазине продавалась тяжелая музыка на любой вкус. Сталкер по кличке Тунгус легко нашел нужное место, заранее снабженный довольно обширным списком музыкальных предпочтений меломана-апологета. Харону повезло: та часть здания, где находился «Коловорот», была разрушена меньше всего. Правда, в руинах обитали какие-то мелкие неприятные твари, от которых Тунгус едва отбилсся на обратном пути. Именно Тунгус добыл Харону львиную долю уникальной коллекции. Жаль, что он погиб через два года, уйдя в последний рейд к огромному продовольственному супермаркету, расположенному в «аномальной зоне» рядом с одним из выходов станции Маршала Жукова...

Из оружия Харон прихватил с собой только брезентовый пояс с ножами. Затем достал из книги фотографию. Брать ли с собой кусочек утраченного прошлого,

или пусть оно останется здесь, медленно превращаясь в бесполезный мусор? Ведь прошлое живет только тогда, когда о нем кто-то помнит. Пока есть на свете человек, который знает запечатленных на маленькой фотографии людей, прошлое по-прежнему существует, пусть и в другой, навеки утраченной волшебной реальности.

– Твоя семья?

Апологет резко обернулся.

За спиной стоял Шмелев. И как это он ухитрился бесшумно приоткрыть дверь? Недаром полковник до Катастрофы служил в разведке.

– Была, – Харон поспешно спрятал снимок во внутренний карман куртки.

– Что с ними стало?

– Они мертвы.

– Война?

– Нет, намного раньше.

– Может, так и лучше? Кто знает, успели бы они добраться до укрытия или нет...

– Нет, не лучше. Так бы у меня теплилась призрачная надежда когда-нибудь их найти.

– Значит, тебе было не о ком волноваться, когда ты спускался в метро?

– Не о ком, – подтвердил апологет. – Я уже тогда был мертвецом, еще до того, как на город посыпались бомбы...

Они немного помолчали.

– Возьми, это подарок! – полковник достал из-за спины блестящий пистолет с красивым узором-гравировкой вдоль ствола. – Это «Гюрза»! На дальности семьдесят метров ее пуля пробивает бронежилет третьего класса защиты с «жесткими» элементами. Если надо, эта малышка способна продырявить блок цилиндров автомобильного двигателя. Автоматика работает за счет отдачи ствола с коротким ходом. Высокий показатель кучности стрельбы сериями по десять выстрелов. Калибр девять миллиметров. Скорострельность – сорок выстрелов в минуту. Прицельная дальность – сто метров. В магазине восемнадцать патронов. Мечта любого сталкера.

– Спасибо, – Харон сунул пистолет за пояс.

– И вот еще... чуть не забыл... на мелкие расходы... – спохватился Шмелев, протягивая тяжелый холщовый мешочек с патронами.

– Вы меня балуете, товарищ полковник!

– Ни в чем себе не отказывай! – улыбнулся в ответ Шмелев.

* * *

До железнодорожной станции Лосево (места встречи с Фишером) добраться по поверхности было невозможно. Между станциями Пролетарская и Тракторный Завод располагалась обширная «аномальная зона». К Лосево следовало двигаться через метро, и, немного поразмыслив, Харон все же согласился взять сопровождающих, но только до Тракторного Завода.

Для защиты апологета Шмелев отрядил майора безопасности Жданова и еще трех опытных бойцов из элитного подразделения «Лимба» под броским названием «Тени смерти».

Надев светозащитные очки и респиратор, оберегающий от ядовитых пылевых вихрей, Харон вышел во двор форта, где у массивных металлических ворот уже ждал пыхтящий камуфлированный «уазик» с пулеметной турелью на плоской, укутанной маскировочной сетью крыше. Вдоль стен широкого двора располагались солдатские казармы. В открытых гаражах трудились механики, перебирая двигатель массивного уродливого БРДМ-2, некогда разработанного

КБ Горьковского автозавода и успевшего в свое время повоевать и на Ближнем Востоке, и в Африке, и даже во Вьетнаме. В Афганистане эта отлично зарекомендовавшая себя машина применялась для несения патрульной службы и охраны штабов войсковых соединений. Рядом с разобранным БРДМ темнела накрытая брезентом гордость Тринадцатого форта – легендарный танк Т-72.

Крыша супермаркета, некогда носившего пафосное название «Восторг», была переоборудована в вертолетную площадку. Сам желто-синий пузатый Ми-2 с давно утратившей всякий смысл надписью «ДАИ» на бортах сейчас отсутствовал.

«И как это я не услышал, когда он улетел?», – удивленно подумал Харон.

Жданов стоял рядом с «уазиком», внутри легендарного советского джипа сидели бойцы в бронежилетах и вязаных черных масках, поверх которых были надеты светозащитные очки и светло-песочные респираторы.

– Я ваш шофер, Глеб Валентинович! – радостно сообщил майор, поправляя фильтрующую воздух маску. – Давайте рюкзак! Надеюсь, доберемся до Пролетарской без эксцессов. Жаль, что бронетранспортер неисправен, а то бы прокатились с ветерком.

Апологет передал рюкзак и, кивнув в сторону вертолетной площадки, тихо спросил:

– А куда наша винтокрылая птичка упорхнула?

– Военная тайна! – Жданов значительно потряс над головой указательным пальцем. – Стратегически важный разведывательный рейд.

– А, ну тогда понятно... – кивнул Харон, забираясь на заднее сиденье универсального внедорожника. – Здравствуйте, ребята!

В ответ суровые бойцы сдержанно промычали. Серьезные мужики, сразу видно, за словом в карман не полезут.

– Раскрывайте ворота! – крикнул майор, усаживаясь за баранку. – Кузьменко, на пулемет!

Один из бойцов раздвинул в крыше машины узкий люк и до половины высунулся наружу.

Часовые направили стволы крупнокалиберных орудий на пространство перед воротами форта. Массивные железные двери с протяжным воем поползли в стороны.

– Понеслась, ятить твою за ногу! – весело проговорил Жданов, до упора выжимая педаль газа. – Доставим вас, Глеб Валентинович, прямо к метро за пару минут.

И рванувший с места «уазик» резво прыгнул в открывшиеся ворота, обдав двор форта градом серой щебенки.

* * *

Глухо затарахтели пулеметы на вышках, кося рванувшихся к закрывающимся стальным створкам мохнатых верещащих уродцев, неожиданно выскочивших из ближайших сугробов. Со стороны двора послышался изощренный мат – несколько тварей все-таки успели прорваться. Чахоточно закашлял АКМ, заглушаемый истошным визгом издыхающих лазутчиков.

– Партизаны хреновы! – Жданов резко выкрутил руль, давя не успевшую вовремя увернуться мохнатую гадину. – Кузьменко, как там обстановка?

– Нормально! – глухо пророкотало сверху.

– Летунов не видно?

– Так не сезон ведь, товарищ майор. В спячке летуны еще!

– Да мало ли... – обернувшись, начальник безопасности лукаво подмигнул слегка укачанному тряской апологету. – Еще совсем немного, Глеб Валентинович, и ваши мучения благополучно закончатся.

– Зато начнутся новые, – невесело усмехнулся Харон.

Объезжая огромный завал на дороге, «Уазик» вырулил к небольшому переулку, связывающему улицу Мира с Московским Проспектом. Дорога была просто ужасная. Прямо посредине изувеченного шоссе клубились паром заполненные черной водой ямы, асфальт в некоторых местах вздыбился, будто из-под земли что-то яростно рвалось наружу, но издохло на полпути. Сугробы немного скрадывали страшную картину разрухи и запустенья.

– Паркурщики! – неожиданно донеслось сверху, и тут же методично заработал пулемет.

На голову Харона посыпались горячие, резко пахнущие гильзы.

– Твою мать... – казалось еще немного, и рулевое колесо останется в руках Жданова.

– Кузьменко, сколько их? – хрипло проорал майор, пытаясь перекрыть звуки стрельбы.

– Пять!

– Это еще ничего! – с облегчением вздохнул Жданов. – Хуже, когда на охоту выходит целая стая!

Харон никогда прежде не видел этих удивительных существ. С любопытством глядя в запотевшее окно «уазика», он пытался рассмотреть, что творится снаружи.

– Кузьменко, справа!

Серые вытянутые тела мелькали среди сугробов. Мутанты передвигались с невероятной скоростью и грацией, будто паря над нагромождением бесформенных камней. Вот одна из тварей, уходя от настигающей очереди, легко взбежала по отвесной стене полуобрушенного здания.

«Так вот почему их так странно называли», – подумал апологет, ловя себя на мысли, что опасные существа по-своему даже красивы.

– Кузьменко, не подпускай их близко к машине, распорют покрышки!

Истошно завывая двигателем и скрипя старыми рессорами, «уазик» пулей вылетел на широкий проспект.

– Почти добрались! – Жданов стоически боролся с вырывающейся из рук строптивой баранкой. – Приготовиться к выходу! Заградительный огонь по целям. Быстро отступаем ко входу в метро! Кузьменко, скольких положил?

– Двух.

– Плохо. Все, пошли!

«Уазик» остановился рядом с черным зевом одного из входов Пролетарской. Апологета грубо вытолкнули из машины. За воротом куртки позвякивали пулеметные гильзы. Застрекотали штурмовые автоматы.

– Сюда!!! – из метро выскочило несколько бойцов в темно-зеленом камуфляже.

– Поддержите огнем! – Жданов щедро поливал окрестности горячим свинцом.

Одна из длинных серых теней взорвалась веером кровавых брызг, прожигающих белый наст снега. Апологет поскользнулся, неуклюже падая на колени, но в следующую секунду чьи-то крепкие руки подхватили его и стремительно поволокли ко входу в метро, откуда выбегали все новые и новые вооруженные люди.

– А... получили, суки! – торжествующе орал Жданов, быстро меняя рожок в автомате. – Кузьменко, покинуть турель. Все в метро, мать-перемать... Савченко, оставь его в покое, оно и так сдохнет... Спасибо вам, ребята, очень вовремя подоспели!

– Как стрельбу слышали и рев двигателя, так сразу послали разведчика, а он смотрит, машина из форта по проспекту несется.

– С меня выпивка, парни.

– Ловим на слове!

Обрывки разговоров разгоряченных бойцов летели в спину.

Харон погружался в полумрак подземного ада.

* * *

Пролетарская. Конечная станция Холодногорско-Заводской линии и по совместительству – укрепленная подземная база группировки «Лимб». Станция имела важное стратегическое значение для всей ветки, потому что здесь располагался стокубометровый резервуар с чистой питьевой водой, которой снабжалась вся красная линия. Обслуживанием сложной системы фильтров и доставкой воды на поверхность занимались исключительно обитатели Тринадцатого Форта.

Выглядела подземная база военных довольно симпатично: длинная, открытая, с красивым арочным потолком. Освещение электрическое, запитанное от дизель-генератора. Многочисленные шестиугольные колонны отделаны светло-коричневым мрамором, пол украшен змеящимся замысловатым орнаментом. Солдатские брезентовые палатки располагались прямо на путях. В дальнем конце перрона в служебных помещениях обитал комендант. В сторону станции Тракторный Завод смотрели крупнокалиберные пулеметы «Корд», вольготно расположившиеся на мощных баррикадах – мешки с песком, колючая проволока, минные заграждения. Далеко не лишняя предосторожность, поскольку из туннелей часто нападали всевозможные твари, водящиеся исключительно под землей. Харьковское метро и руины полумертвого города – две совершенно разные экосистемы. Виды мутантов, обитающих в метро и на поверхности, разительно отличались. Большая часть и тех, и других не была изучена людьми, поэтому зачастую при встрече с очередной необычно выглядевшей тварью ты никогда точно не знал, какой пакости от нее ожидать.

Комендант, невысокий молчаливый мужчина тридцати лет, внимательно изучил сопроводительные документы, после чего отдал команду бойцам, несущим подземную вахту, подготовить мотодрезину.

– Да, и поосторожней там... – напоследок в качестве напутствия бросил он Жданову. – У нас позавчера патруль в северном туннеле без вести пропал, так что будьте вдвойне бдительны.

* * *

Мотодрезина, вооруженная РПК-74, бодро катила в сторону Тракторного Завода. Мощный прожектор выхватывал из тьмы обвитую кабелем рифленую глотку дышащего сыростью туннеля. Майор Жданов ласково поглаживал смертоносную машинку, время от времени поглядывая на хмурого Харона, расположившегося на одном из пластиковых сидений. Бойцы сопровождения привычно отмалчивались.

– Славная игрушка! – Жданов любовно похлопал пулемет по ободранному темно-коричневому прикладу. – Боеприпасы калибра 5.45. Секторный магазин емкостью сорок пять патронов. Прицельная дальность – тысяча метров.

– Оказывается, вы ярый фанат оружия, – не удержался от комментария апологет.

– Как и наш brave полковник! – подтвердил Жданов. – Кстати, Глеб Валентинович, все хотел вас спросить, а вы давно со станции не выезжали?

– Семь лет.

– Немалый срок, черт побери... Минут через двадцать будем на месте, – предупредил Жданов. – Жаль пострелять не в кого, совсем заржавеет без дела наш металлический друг.

– Накаркаешь еще! – огрызнулся один из бойцов.

«Ничего, еще настреляетесь вдоволь на обратном пути, – подумал апологет, – когда я не смогу вас прикрыть».

* * *

До заброшенной станции добрались без происшествий. Харон попрощался со Ждановым, после чего поднялся по чугунной лесенке на широкую платформу. За спиной дребезжала уходящая обратно к Пролетарской мотодрезина. Включив фонарь, апологет с любопытством осмотрелся по сторонам. Просторно, как в ангаре для самолетов. Харон хорошо помнил станцию еще до Катастрофы. Медные эмблемы завода «ХТЗ» на стенах давно отсутствовали, уничтоженные неведомыми вандалами. Пыль и запустение. Сквозняк перекачивал под ногами мелкий мусор. Отчетливо тянуло мертвечиной.

Раздавшийся внезапно утробный рев заставил Харона досрочно завершить знакомство с местными достопримечательностями. Владелец хриплого баса находился в туннелях. По всей видимости, где-то на перроне догнивала его законная добыча, но присутствие на станции апологета не позволяло завершить пиршество.

– Сейчас, сейчас, дружок... – тихо проговорил Харон. – Пара минут, и я избавлю тебя от своего раздражающего присутствия.

Мраморная лестница вывела апологета наружу к Двадцать первому форту. Хотя какой уж там форт, скорее, небольшой поселок, хаотично расположившийся вокруг выхода из метро, который издавна контролировали головорезы банды Шепелявого.

Особо опасные мутанты никогда не беспокоили обитателей маленькой железнодорожной станции Лосево, расположенной поблизости, а с теми, что иногда все-таки нападали, справлялись местные боевики. Против летающих тварей у бандитов имелась небольшая зенитка, купленная в незапамятные времена у «Лимба» за достаточно умеренную цену. Двадцать первый форт не был поселением, закрытым для чужаков: местные пускали сюда всех без разбору, главное, чтобы в карманах водились патроны. Бандиты жили за счет пришельцев из разных частей города. Здесь процветал игорный бизнес, проституция, торговля наркотиками и прочие скромные радости человеческой жизни, способной прерваться в любой момент.

Защитная стена, сложенная из грубо отесанных просмоленных бревен, огораживала целый квартал проспекта Орджоникидзе, включая не только станцию Лосево, но и всю территорию «Тракторозаводского Рынка».

Сторожевых вышек нет.

Самоубийственная беспечность.

* * *

Рядом с выходом из метро Харона остановил патруль. Паспорт не требовали, просто взяли символическую таможенную плату – три патрона.

– Там внизу кто-то воет, – посчитал своим долгом предупредить апологет.

Один из громил поднял на Харона мутный взгляд заплывших жиром глаз, едва различимых за бликующими светозащитными очками:

– А нам что с того?

– А если оно прямо к вам в форт заявится?

Громила равнодушно пожал плечами:

– Заплатит три патрона и будет себе дальше гулять!

И бандиты разразились дружным раскатом заливистого хохота.

– Не беспокойся, мужик, – отсмеявшись, проговорил один из боевиков. – Тварь, что воет внизу, – гарантия того, что из метро на нас никакая хрень не полезет. Мы ее даже подкармливаем... жертвами несчастных случаев. Ну, если в форте один из гостей другого прирежет – а такое у нас, брат, случается через день, – мы тогда труп на станцию относим, гаду этому на съедение. К нам, кстати, нечасто визитеры снизу заявляются, ну разве что водовозы «Лимба». Ты, мужик, как вообще живым по туннелям пройти смог?

Теперь патрульные смотрели на Харона с нескрываемым интересом.

– На дрезине прибыл от самой Пролетарской, – честно признался апологет, извлекая из-за пазухи блестящий жетон Круга.

– Больше вопросов не имеем! – кивнул бугай с заплывшими глазами, и бандиты мгновенно потеряли к незнакомцу всякий интерес.

Спрятав жетон, апологет осторожно влился в местную разношерстную братию, наметанным глазом отслеживая обманчиво скучающих на перекрестках карманников. Нещадно тарахтя и воняя, мимо медленно проехал громоздкий «Харлей-Девидсон». Человек за рулем стального коня выглядел колоритно: огромный пузатый бугай, затянутый в кожу. Из-под черного респиратора торчит рыжая неопрятная борода, на бедре в кожаном чехле – обрез двустволки, со спины скалится злобный уродец, над головой которого алеет английская надпись Iron Maiden. Эти парни и впрямь неистребимы, если даже Катастрофа не смогла стереть их с лица агонизирующей Земли.

Почувствовав чужой пристальный взгляд, рокер обернулся и, оценивающе изучив «прикид» апологета, скрутил на пальцах знаменитый международный символ неформального братства – «козу».

Харон улыбнулся, ответив тем же.

* * *

– Эй, Глеб, я здесь!

Сквозь толпу спешил невысокий мужчина средних лет. Из-за его спины выглядывал темно-серый приклад арбалета. Подобное оружие мог носить только один-единственный человек во всем Харькове.

– Фишер! – Харон приветственно махнул рукой.

Главный разведчик Круга указал на темно-зеленую брезентовую палатку, из остроконечной крыши которой торчала дымящая металлическая труба. «Шашлычная Шиншилла» – прочел апологет грубо намалеванную на куске мокрой фанеры вывеску. М-да, у местных, похоже, с черным юмором все в порядке. Дышать внутри почти нечем, но лучшего места для конфиденциальной беседы сейчас не найти, потому что гвалт полупьяных посетителей и шипение раскаленных жаровен с коптящимися тушками крыс создавали идеальную

звуковую маскировку.

Свободный столик наемник забронировал заранее. Мохнатый, как орангутанг, кряжистый армянин, расталкивая орущих благим матом завсегдатаев, принес две металлические кружки с местным пивом, секрет изготовления которого держался в страшной тайне. Подозрительная жидкость бодро пенилась и была почему-то гниlostного зеленоватого цвета.

– Ничего-ничего... – подбодрил сомневающегося Харона Фишер. – Представь, что это тархун... Будьмо!

И наемник одним залпом опрокинул ядреное пойло. Пожав плечами, апологет сделал робкий глоток. Пиво как пиво, хотя скорее уж больше похоже на слегка облагороженное спиртом ситро. Не в этом ли главный секрет уникального производства?

– Уф! – Фишер с удовольствием утер мокрый подбородок. – Итак, к делу. Мои люди уже ищут по всему городу мальчишек подходящего возраста. К счастью, их не так много, несколько – даже в этом поселении. Тебе обязательно нужно на них посмотреть. Я кое-кого уже успел подкупить. Предъявишь нукерам Шепелявого жетон, и они отведут тебя в местный детский садик. Конечно, сомневаюсь, что нужный нам ребенок окажется здесь, но проверить необходимо.

Харон молча кивнул.

– Круг все время меня подгоняет, – пожаловался Фишер. – Главный совсем в последнее время рехнулся, у него, мол, очень плохие предчувствия. Одна цыганка предсказала ему скорую смерть.

– Просто сногшибательная новость!

– Так и я о том же! Люди сходят с ума с каждым годом все больше и больше.

– Надо сказать, есть от чего.

– И не говори, дружище. Ну что, еще по одной? Я тут выгодное дельце недавно провернул, так что сейчас, так сказать, при патронах. Думал местную девочку

снять, но просмотрел доступный ассортимент и, знаешь, как-то расхотелось.

– Подрабатываешь на стороне? – удивился Харон. – Тебе что, Круг мало платит?

– Да так... – смутился наемник, – одна мелкая халтурка подвернулась. Толкача шлепнул. За него сталкеры очень неплохо платят.

– За шкуру?

– Нет, за голову!

– А что за зверь такой?

– Мутант! Получеловек. Явились в метро пару лет назад со стороны Пятихаток. Их рейдеры используют, чтобы волю людей подавлять, берут жертв еще тепленькими без единого выстрела. Я ведь как раз по этим тварям и специализируюсь. Профессиональный охотник, так сказать. Вот мне сталкеры одного уroda и заказали, он якобы кого-то из их братии завалил. Решили, значит, отомстить. Непросто было нужного мутанта вычислить, но я смог – не даром ведь лучший.

– Да, многое изменилось...

– А ты, кажется, уже шесть лет из своего форта носа не показывал?

– Семь.

– Как поживает наш удалой полковник?

– Не кашляет.

– Ну, дай бог ему здоровья и долгих лет жизни.

– Что это ты сегодня такой щедрый?

– Так я ведь при патронах! – рассмеялся наемник, нетерпеливо подавая знак армянину налить по-новой. – Знаешь, я тут недавно в метро одного чудно?го мужика встретил. С гитарным кофром, представляешь. Думал, ну все, нашел я для нашего Харона электрогитару. Ты ведь давно мечтаешь ее в руках подержать. Но радость оказалась преждевременной, этот странный тип в кофре вместо гитары СВД таскал. Такая вот история...

Неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника. Харон резко подался к отпрянувшему от неожиданности Фишеру.

– Как выглядел тот мужчина? Длинные черные волосы, где-то за сорок, кожаный плащ, шнурованные кожаные штаны?

– Но откуда ты?... – изумленно уставился наемник, напрочь забыв о пиве.

– Это отец искомого мальчика!

– Мать божья! – Фишер схватился за сердце. – Да ведь он был почти у меня в руках. Хотя постой... постой... он, кажется, что-то рассказывал мне о сыне. Ну, конечно же! Сына захватили работорговцы на станции Южный Вокзал. Ну и совпадение, чтоб мне провалиться...

– Мир тесен, – меланхолично заметил апологет. – А в нынешние времена данное выражение приобретает особый смысл.

– Значит, мальчик у рейдеров, вот же незадача! – наемник разочарованно сплюнул на пол.

– Может, нитроглицеринчика дать? – участливо предложил Харон. – У меня с собой. А то на тебе прямо лица нет.

– Спасибо за заботу, но не нужно, – покачал головой Фишер. – Моторчик у меня еще о-го-го, лет десять протянет, если какая-нибудь тварь раньше времени за пятку не тяпнет.

– За пятку-то еще ничего, – улыбнулся апологет. – Хуже, когда сразу за голову.

– И так, планы меняются, – наемник мрачно глядел на мохнатого армянина, подливающего в опустевшие кружки фирменное зеленое пойло.

Когда тот удалился, Фишер торжественно изрек:

– Я уведомлю наших людей. Все силы будут брошены на отслеживание любых действий и перемещений работоторговцев. Особенно что касается продажи людей. К местным ты, понятное дело, мальчишек смотреть не ходи... Эх, зря только патроны выбросил! Впрочем, что теперь горевать. Легко пришли, легко ушли. Ты это, Харон, двигай в сторону Советской. Там на поверхности главный невольничий рынок. Если мальчишка где-то и объявится, то только там. Да и это... смотри, с фашистами поосторожней, а то что-то уж больно круто они взялись в последнее время за свой любимый паспортный контроль. Напрочь перекрыли Северную улицу, всех тщательно проверяют. Я целые сутки у них в «обезьяннике» просидел, пока мои документы изучали. Похоже, подозревали во мне еврея. Кто-то у них там пропал: не то перебежчик к коммунистам дернул, не то шпионов ловят, хрен поймешь. Надеюсь, у тебя с ксивами все в порядке?

– В полном! – заверил Харон.

– Вот и славненько. Что и говорить, полезная у нас с тобой вышла беседа. Уйму времени сэкономили, не говоря про нервы и ресурсы.

– Ты и впрямь это сделаешь? – прищурившись, спросил апологет, внимательно следя за выражением лица собеседника.

– Сделаю, что? – прикинулся шлангом Фишер.

– Убьешь ребенка?

– А что делать? – скорбно вздохнул наемник. – Приказы вышестоящего начальства не обсуждаются.

– Вот так просто возьмешь и прикончишь? – все допытывался апологет. – Как давешнего мутанта?

– Нет, ну что ты... – улыбнулся Фишер. – Мутанта я из арбалета завалил. Мальчишка – совсем другое дело, он у меня долго мучиться не будет.

– Ну ты зверь!

– А что делать? – повторил наемник, грустно кивая. – Работа у нас такая. Мы ведь санитары нового мира. Кто-то ведь должен дерьмо за другими убирать?

Харон не ответил.

Глава 4

Смешение языков

У Даньки просто глаза разбегались. Еще ни разу за недолгую жизнь ему не приходилось видеть стольких людей под открытым небом, собранных в одном месте и торгующих самыми разнообразными товарами.

– Настоящий Вавилон, смешение языков, – непонятно пошутил Семен Степанович, показывая спасенным детям Площадь Конституции.

Что он имел в виду, Даня не понял. Равно как и Гарик. О шестилетнем Ромке и говорить нечего. Совсем малой, ему только осенью предстояло пойти в школу. Расспрашивать солдата не стали. Не все ли равно, что это за Вавилон такой и почему там смешивались языки. Хотя представить картину, когда куча человеческих языков перепутывается между собой, как-то не получалось.

Площадь Конституции, располагавшаяся рядом с выходом Советской, была крупнейшим торговым центром нового Харькова. Сюда стекались челноки с товарами со всех концов бывшего города-двухмиллионника. Подконтрольная конфедератам территория включала Бурсацкий Спуск, Спуск Соборный и улицу Квитки-Основьяненко. Здесь производилась львиная доля всех пищевых продуктов и фильтров для респираторов. В кое-как восстановленных зданиях располагались свинофермы и птицефабрики. Разводили даже коз, главный поставщик свежего молока и сыра.

Семен Степанович ушел, как он сказал, утрясать кое-какие важные вопросы, пообещав вскоре вернуться. Ему следовало доложиться о результатах превентивной боевой операции против расплодившихся в подземке мутантов (так называемой «весенней зачистке» туннелей), сдать оружие и добытые у рейдеров трофеи, выправить мальчишкам разрешение на посещение территории конфедератов и тому подобное. Все эти процедуры займут некоторое время, а пока дети могут осмотреться и перекусить. На «перекус» солдат выдал три патрона от АКМ, сказав, что этого вполне достаточно.

Универсальной валюты и впрямь хватило на целых шесть пирожков. Горячих и больших, с Данькину ладонь. Что в них за начинка, мальчишки так и не разобрали, живо проглотив лакомство. Но что-то соленое и очень пряное, потому как после еды тут же захотелось пить.

Вонючка, поглядев на унылые физиономии парней, довольно прищурился и, заговорщицки оглянувшись по сторонам, извлек из кармана защитного комбинезона еще один патрон.

– Откуда?.. – удивился Даня.

– А зевать меньше надо, – наставительно молвил Гарик.

Подойдя к находившемуся поблизости с лотком пирожника прилавку, где торговали всевозможными напитками, «богатеи» начал прицениваться то к одному, то к другому.

– Это у вас что? – поинтересовался, ткнув пальцем в дымящуюся на морозе кастрюльку.

– Кофэ, маладой человек, – приветливо улыбнулся смуглый брюнет в облезлом респираторе. – Самый натурални индийский кофэ. Из последних даваених запасав. Бери, нэ пажалеишь.

– А чего оно так смердит? – подозрительно принялся мальчик.

– Сам ты смэрдыш... – огрызнулся торговец. – Нэ хочишь кофэ, тагда вот бэри лиманад. Хороши лиманад.

Оскорбленный в лучших чувствах брюнет ткнул грязным пальцем в трехлитровую банку, наполненную жидкостью мутно-желтого цвета, тоже не вызвавшую у потенциального клиента желания расстаться с патроном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lezhenda_valentin/slepyaschaya-pustota

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)